

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ
Золотой ключ,
или Похождения
Буратины

La Comédie inhumaine

Часть 3
Безумный
Пьеро

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книжная полка Вадима Левенталя

Михаил Харитонов

**Золотой ключ, или
Похождения Буратины.
Часть 3. Безумный Пьеро**

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Харитонов М. Ю.

Золотой ключ, или Похождения Буратины. Часть 3. Безумный Пьеро / М. Ю. Харитонов — ИД «Городец», 2021 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907358-89-8

Этой книгой завершается эпическая трилогия Михаила Харитонова «Золотой ключ, или Похождения Буратины» – роман, который по праву называют самым дерзким, самым ярким, самым необычным, самым смешным, но и самым глубоким произведением новейшей русской литературы. Содержит нецензурную брань! В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907358-89-8

© Харитонов М. Ю., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Авторское предуведомление	7
Жизнь и судьба	8
Тайна Эдвина Друда	10
Искренне ваш	11
Замечания по ходу	12
Checkpoint-0. Вечность	15
Всё стоит на ребре	15
Что делать?	17
Подобно огню небесному	18
Checkpoint-1. 23 января 313 года	19
Дорогая стильная вещь в интерьере	19
Хмурое утро	21
Цигель-цигель у-лю-лю	22
Ганимед пятнадцать пэ девятнадцать	24
Совещание по вопросам информационной политики	25
Артемон, займись этим!	26
Парочка диверсионных подразделений	27
Отсечение +44. Доля 00803.	28
Понимаете, к чему они клонят?	29
Отсечение +44. Доля 00814.	31
Отсечение +44. Доля 00808.	32
Компетентный специалист предлагает свои услуги	33
Отсечение +44. Доля 00810.	34
Выйти за пределы повестки	35
Текущая реальность.	37
С этого надо было начинать	38
Аппех 1. По естественным причинам	40
Checkpoint-2. 27 января 313 года	42
Дос 1.1. Удом алмазным на ногти стальной	42
Спасибо, что живой	45
Пусть тебя будет больше	47
Лис в своём репертуаре	49
Смутная идея, требующая доводки	51
В блудняке	53
Арлекин показывает, на что способен	55
Checkpoint-3. 29 января 313 года	61
Дос 1.2. Лучезарная дельта сияет молча	61
Очень, очень давно	63
Извините, если не вовремя	64
Творческие будни	66
В самый неподходящий момент	67
Мундир, я вас спрашиваю!	68
Рыбоня без ауры	69
У тихона	71
Отсечение +44. Доля 00812.	73
Текущая реальность.	74

Факин шит!	76
Я вообще-то как бы с Тора-Боры	77
Как полковник стал генералом	79
Вот это вот всё	80
Очень простая тёлка узнаёт очень неприятную новость	81
Ужасающая слабость поразила члены	84
С родиной и с нами	85
Цельный гусь, четверть хлебного вина	86
Пора бы и делом заняться	89
Checkpoint-4. 30 января 313 года	92
Дос 1.3. В недрах чёрной весны	92
Дело было вечером	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Михаил Харитонов
Золотой ключ, или Похождения
Буратины. Часть 3. Безумный Пьеро
La Comédie inhumaine

Иной раз поиск подходящего эпитафия утомляет...

Харитонов М.

Автоинтервью от 29 июня 2017 года // Харитонов М. Золотой Ключ, или Похождения Буратины. Книга Вторая. Золото твоих глаз, небо её кудрей., 2017

*...и хочется обойтись без него вовсе, но при этом
всё же соблюсти собственный стандарт.*

Там же

© М. Харитонов, наследники, 2021

© ИД «Городец», 2021

© П. Лосев, оформление, 2021

Авторское предуведомление

Прежде чем приступить к чтению, вы вправе спросить, куда подевались Третий Том и Третья Книга.

Честно говоря, тема эта мне тягостна. Но научная добросовестность и дискурсивная ответственность вынуждают меня всё рассказать, во всём признаться.

Жизнь и судьба

Как мог уже заметить любой проницательный читатель, – и лично вы, *батенька!* – в романе МНОГО действующих лиц. Что первого плана, что второго, что третьего. Это не говоря о проходных персонажах и камео и не считая массовку.

С большинством из них у автора не было проблем. Даже по завершению работы над текстом он сохранил со многими самые дружеские отношения. Да чего уж там, обвыклись мы с ними.

Ну, допустим, не со всеми. Скажем, суслик Кокочка на автора за что-то обижен, а за что – не говорит. А вот зато крокозитроп давеча заглянул, принёс редкий китайский чай (он после смерти пристрастился к чаю, хотя любимый напиток большинства мертвецов – имбирный лимонад). Посидели с ним, о жизни поговорили – хорошо так, душевно... Намедни звонил кролик Роджер, просил книжку Зеленина “Статьи по духовной культуре. 1901–1913” – он её, оказывается, не читал. Ну а трилобиту из *gav*” *ваввы* я вообще очень обязан: без его помощи роман мог бы и вовсе не выйти... В общем, ни с кем у меня серьёзных проблем не возникало.

Единственным, но очень неприятным исключением стал некий Сгуц Збсович Парсуплет-Парсуплёткин, недопёсок. Он пробовался на небольшую, но важную роль. Но в первой же сцене со своим участием повёл себя столь бесцеремонно и развязно, что я был вынужден был прекратить всякое с ним сотрудничество. На его роль был приглашён Напсибыпытретьень, который отлично справился.

К сожалению, вместо того, чтобы с достоинством покинуть роман, недопёсок продолжал крутиться неподалёку, влазя в текст и вписывая себя куда ни попадя. Уж я гонял его, гонял. В конце концов мне это надоело, и я напустил на Парсуплёткина семерых песцов, которые отредактировали хулигана вусмерть. Подробное изложение этого эпизода имеется в Седьмом ключике, а предыстория – в Видении Пьеро, что в Томе Первом. Ну, в общем, сами посмотрите.

К моему огромному сожалению, на том дело не кончилось. Околев, Парсуплет-Парсуплёткин стал только мерзопакостней и приставучей.

Сначала он повадился гадить в комментариях. Я тратил огромное количество времени на то, чтобы вычищать из текста его бездарные реплики, оскорбительные приписки, наглые выпады и т. п.п.

И это были ещё только цветочки. Ягодки пошли, когда Первый Том отправили в типографию. В тёмную безлунную ночь недопёсок туда пробрался и залез прямо в печатную форму, скобейда! И нагадил! Причём подлейшим образом – то есть так, чтобы с первого взгляда как бы и незаметно было. Там словцо подгрыз, тут буквы переставил. Где-то вписал глупость. И вот таким манером изгваздал немало хорошего текста!

Полный список того, где и в чём мне это животное напакостило, я когда-нибудь опубликую в своих литературных мемуарах. Но чтобы вы понимали масштабы разрушений, кое-что приведу вотпрямца.

Извольте сами убедиться. В Главе 48 Парсуплёткин обозвал анклав Тортиллы “небольшим водоёмом” (это озеро Гарда небольшое? бугага!). В Главе 11 он поменял цвет левого глаза бегемота Пендельшванца с жёлтого на чёрный (ну не пидарас ли он после этого?). В Главе 12 поганец решил подпортить мою репутацию стилиста, написав, что лиса Алиса “непременно залюбовалась бы на круп цилиня”, а у меня было – “залюбовалась бы крупом”. В Главе 19 – придумал несуществующий артефакт Зоны “юлина коса”. (Ну то есть упыри иногда так называют “ведьмину косу”, но нам-то зачем розговляти по-упыриному?) Пупицу Жанну Григорьевну он переименовал в Грегорьевну. За что она потом на меня обиделась, я перед ней извинялся, коробку конфет подарил, но всё равно ведь неудобно-то как вышло! И даже в биб-

лейской цитате он, сволочь, нарочно проставил неверную пагинацию! Поднялась у него лапа на Священное Писание!

С этого момента я понял: это так просто оставлять нельзя, надо это как-то прекращать. А то он мне и Вторую Книгу испортит.

Увы, Сгуц Збсович оказался не так-то прост. Напрасно я прельщал его колбасой, увещевал добрым словом и грозил арапником. На всё это он отвечал одним только хамством и невежеством. Дескать, ничего ты мне не сделаешь, я и так мёртвый. И на колбасу не повёлся по той же самой причине. К увещеваниям же он и при жизни-то был равнодушен.

За Второй книгой я следил очень тщательно. Даже в типографию звонил, предупреждал – вот, такие дела, недопёсок может залезть, вы уж там присмотрите, пожалуйста. Они были крайне недовольны таким гимором, но присмотреть обещали. И, в общем, присмотрели. Однако гадкое существо всё-таки как-то протырилось и сумело навредить. Не в таких масштабах, как в Первом томе, но тоже порядочно. Особенно обидно то, что на странице 28 первого полутома, на самой середине его, в слове “историческом” он отъел “м” и приклеил туда “ого”. Получилось безграмотное словосочетание “*исторического обзоре*” (нет, ну какова сволочь!)

Пришлось затевать сложную интригу. Я принялся за Третий Том, специально рассчитывая, что он и в него придёт свинячить. Когда же он на это повёлся, я заманил паршивца в длинное примечание, а потом утопил. Вместе с Третьим Томом, увы.

Это вообще целое дело было. В унитаз рукопись не пролазила, Москва-река мне показалась мелковатой, Волгу засорять не хотелось. Так что я решил топить недопёска во Внутренней Двине. Для этого пришлось совершить *паломничество в страну Востока* – или, как это сейчас называют, *съездить в Бобруйск*. Очень мне туда не хотелось: долго, дорого, хлопотно. Хотя – чего уж теперь-то ныть... Короче, добрался я худо-бедно до Внутренней Двины, да и бросил Третий Том с Аничкового моста. Привязав к нему для веса четыре гантели и роман В.С. Гроссмана “Жизнь и судьба”.

Гадкий зверёк с тех пор не появлялся. Доскелся, падла!

Правда, и Третий Том погиб. Но это была необходимая жертва.

Тайна Эдвина Друда

Что касается Третьей Книги, то я её честно начал. И написал даже несколько глав. Но тут в мои дела вмешалась Администрация. Которая и в Первый Том лезла, и во Второй Книге изрядно отметилась, но на сей раз совсем уж распоясалась.

Не знаю, что это за контора такая и что ей от меня нужно. Но жизненный опыт мне как бы подсказывает: все россиянские конторы с такими названиями работают примерно одинаково – запрещают и недопускают. Ну и эти туда же. То есть данное, с позволения сказать, учреждение регулярно лезло ко мне в текст и его цензурировало. Под разными предложениями или вообще без таковых. Например, из Второй Книги они целых одиннадцать страниц вырезали подряд. Одиннадцать! В других местах они тоже порезвились, но там я сумел хоть как-то прикрыть дыры в нарративе.

Я это к чему. Третья Книга вызвала у Администрации особенное рвение. Только напишу пару страниц, глядь – половина текста куда-то пропала, а внизу надпись: “УДАЛЕНО РЕШЕНИЕМ АДМИНИСТРАЦИИ. АДМИНИСТРАЦИЯ”¹.

Я пытался решить проблему. Я жаловался на произвол. Я писал, звонил, отправлял факсы и даже телеграфировал в разные инстанции. Но они, как это у нас обыкновенно бывает, старались от меня как-нибудь отделаться, не вникая по существу.

Районный участковый отказался принимать у меня заявление. В Союзе Писателей г. Москвы разопсевшие чинуши заявили, что я не их член и мои проблемы их не волнуют. В офисе Спортлото на Волгоградском проспекте меня отфутболили, в Роскосмосе – на хуй послали. И даже в наркодиспансере на улице Шверника – туда я пошёл от полнейшей безысходности – мне только справку выписали, что я не наркоман, а никакой реальной помощи не оказали.

Я уже готов был бросить всё это к чертям. И остался бы “Золотой Ключ” навеки незаконченным. Как “Бувар и Пекюше”, как “Мёртвые души”. Или даже как “Тайна Эдвина Друда”. Во всяком случае, всё к тому шло.

¹ Кстати, свои послания они всегда пишут большими буквами, что особенно выбешивает.

Искренне ваш

Но свет не без добрых существ! Однажды утром в мои творческие грёзы всплыла небольшая жёлтая уточка. Которая дала несколько хороших советов.

А именно. Уточка порекомендовала Третью Книгу забросить, впредь же называть свою писанину Третьей Частью. Ну чтобы у Администрации соображалка заклинила. То ли это третья часть Второй Книги, то ли ещё что. Да и вообще, мало ли *чего* она часть. Может, чего-то важного. Например, какого-нибудь хитрого плана, согласованного на ведомственном, министерском – а может и правительственном! – уровне? Так что есть шанс, что Администрация на это поведётся и оставит моё сочинение в покое. Если же и это не поможет, придётся переименовать опус в “аналитическую записку”.

Мне такие уловки не очень понравились. Но других вариантов у меня не было и я решил попробовать.

Не знаю, что конкретно сработало, но уточка оказалась права. Администрация унялась. Ну то есть иногда она появляется, но ничего больше не удаляет, ограничиваясь предупреждениями. Которые я уж как-нибудь переживу, решил я. И на всё плюнул, и погрузился в стихию сочинительства.

Ну а что из всего этого получилось, и получилось ли чего – то вам судить.

Михаил Харитонов, искренне ваш.

Замечания по ходу

Чем сейчас занят крокозитроп. После окончательной смерти он попал на Страшный Суд первой инстанции, который, рассмотрев все его преступления, приговорил его к перерождению в Норильске в 1988 году д. Х. Розан Васильевич счёл такой приговор жестоким и несправедливым и его обжаловал. Сейчас дело рассматривается в Страшном Апелляционном суде. По ходу разбирательств он вытребовал себе право на работу с документами, а также доступ к интернету и к Хроникам Акаши². По старой дружбе он иногда мне кое-что рассказывает – и я почерпнул из этих рассказов немало полезного.

Как мне помог трилобит. Очень он мне помог! Без него я бы вообще ничего не написал – ну или ковырялся бы с Первым томом до скончания века (своего, разумеется).

Дело было так. Когда я принялся писать Первый том “Буратины” и дошёл до сорок седьмой главы, мои соседи начали ремонт. Ну то есть с раннего утра и до позднего вечера у них там штробили стены, сверлили, стучали, грохотали и т. п. Как можно сосредоточиться на тексте, когда издают соседи-суки оглушительные звуки? Правильно, никак. Оставалось или отложить книжку и ждать конца ремонта – а это может ведь годами продолжаться! – либо спрятаться в тихое место. Только где ж такое найдёшь в современной Москве?

К счастью, я к тому моменту уже познакомился с трилобитом. В обмен на место в романе он любезно открыл мне проход в реализации одиннадцатого кола шестого отсечения моей эпохи. Тот мир очень похож на наш, только Ельцин не отрекался и умер на президентском посту где-то в 2002–2003, в зависимости от доли. У власти там в основном Кириенко. Хотя есть две ветки с Руцким, одна с Баркашовым и одна финско-казахская оккупация. Я предпочёл оккупацию, так как там интернет лучше работает. Но самое главное что: во всех ветвях в моём доме на месте сверлящих соседей проживает тихая бабушка. Моя же собственная квартира стоит пустой, так как в том отсечении я уехал с семьёй в Кёнигсберг, а московские площади оставил за собой на всякий случай.

Тут работа пошла веселее. Если честно, то я практически переселился в::11::+6, возвращаясь в своё отсечение только чтобы пообщаться с семьёй и издателями.

Да, кстати! Из-за этого произошла одна неприятная ситуация, на которую проницательные читатели – такие как вы, *батенька!* – уже обращали внимание.

Я не учёл, что в::11::+6 было несколько другое прошлое, чем у нас тут. Разница в принципе небольшая, но ощутимая. Я её как бы замечал, но не особо беспокоился. Разве что интернет-реклама концертов Цоя (там он в большинстве вариантов жив и женат на певице Земфире) глаз резала.

Но вот чего я не учёл – так это того, что книжки в шкафах тоже были не совсем те, что в моей родной квартире. Ну вот как-то не подумал об этом. Привык, что бумага – вещь надёжная. И только обнаружив у себя на полке неизвестный мне роман Достоевского “Девочка” с предисловием некоего Болеслава Лёма, я что-то заподозрил. Поговорил с трилобитом, он мои подозрения подтвердил – да, книжки тут могут быть не такие, как в моём родном времени. Я бросился проверять. И выяснил, что научное исследование о курском соловье, томик Щуплова издательства “Плашкет” и даже сочинение Сталика Ханшикиева и Дмитрия Стешина “Кухня “арабской весны” (СПб.: Астрель, 2016. Серия “Военно-полевая кулинария”) в нашей реальности не изданы! А я на них ссылался! Ну вот же блин! И что самое неприятное – Первый том к тому моменту был уже издан на бумаге, поздняк метаться.

² Хроники Акаши – знание, закодированное в астральной сфере. Содержит в себе весь совокупный опыт всех существ. Состоит в основном из тупой и злобной хуйни (которой обычно и заполнено сознание существ), достоверным источником не является ни в коей мере. Однако я кое-что оттуда почерпнул – например, мысли и чувства некоторых персонажей

Однако же, подумав и поговорив с трилобитом, я решил, что ничего такого страшного не произошло. В конце концов, я пишу для всех времён и народов, а книжки, на которые я ссылаюсь – реально хорошие. Глядишь, соответствующие авторы их когда-нибудь напишут и у нас (особенно это касается кулинарных сочинений). И решил не ограничиваться доступной в нашей реальности литературой. В конце концов: в моей молодости регулярно возникала ситуация, когда читаешь какую-нибудь статью, а там ссылки на американские или французские источники. Добыть которые было тогда ещё менее реально, чем нам сейчас – достать что-то из другой временной ветви.

Кстати: что касается книг из будущего. Послехомокостные сочинения мне таскал из хемульской библиотеки эпизодический чешуйник Франтишек Пших. Он буквально умолял устроить ему на страницах романа встречу с Моррой, чтобы вернуть себе читательский билет. Я его услышал и в Действии двадцать шестом их свёл. Старик был трогательно благодарен за это. И в знак уважения и дружбы исправно снабжал меня литературой. Благодаря которой я узнал множество важных для романа сведений, начиная с истории и политического устройства Директории и кончая обычаями поняш и хемулей. А вы думали, откуда я всё это взял?

Так что Пшиху я очень признателен. Несмотря даже на то, что он съел переплёт книги «Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову» (1913 года издания, между прочим), соблазнившись крахмальным клейстером, на котором тот переплёт держался. Ну, что ж поделать, у всех свои недостатки.

Почему автор утопил Парсуплёткина во Внутренней Двине? Потому что – как же иначе? Ну сами посудите – не Волгу же матушку им паскудить? А вот Внутренняя Двина – самое то. В ней ещё и не такое топили.

Как я ходил по инстанциям и искал укорота на Администрацию. Ну да, всё так и было. Разве вот мелкая деталь: один знаток российских реалий мне написал, что, дескать, в Роскосмосе посылают обычно в жопу, а нахуй посылают в Роснефти. Даже и не знаю, что на это сказать: в Роснефть я не обращался. Но вполне допускаю, что какой-нибудь сотрудник Роснефти мог перейти в Роскосмос, и на него-то я и напоролся. Хотя ежели по чесноку – все они друг друга стоят, прохвосты! **К предыдущему замечанию.** Автор сначала написал «все они одним миром мазаны», но потом задумался. Во-первых, в таком случае пришлось бы писать «мврром», тем самым напрягая читателя, которому пришлось бы лезть в Вики и читать про ижицу, а там бы он увлёкся юсами и псями, а роман бы мой забросил. Во-вторых, сотрудники Роснефти и Роскосмоса не любят, когда их чем-то мажут.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ. Нас тут спрашивают: почему автор привязал к Третьему Тому именно Гроссмана. Отвечаем: автор не нашёл в своей библиотеке более тяжеловесного текста – а было нужно именно что-то тяжёлое и увесистое, чтоб грузило. Можно было бы, конечно, взять и посовременнее чего – Алексиевич там сочинения, Марии Степановой роман, или опус какого-нибудь лауреата премии «Большая книга». Но автор подобного добра дома не держит, а вот Гроссман с перестроечных времён завалился.

PS. Кто-то предлагал уоллесовскую «Бесконечную шутку» привязать. Нууу, так себе идея: переводное обычно легко всплывает.

Checkpoint-0. Вечность

Всё стоит на ребре

Да, именно. Буквально на грани. Грань та – за пределами всего. А пределы всего пересекаются в единой, единственной точке. Которая держится на себе самой и держит всё остальное.

Чтобы это увидеть воочию, вам достаточно немного подрасти. Примерно до ста миллиардов световых лет. И слегка поправиться – на одиннадцать измерений.

Как это сделать? Ну, есть способы. Самый простой – стать божеством. Или обратиться к тому, кто уже стал. Но можно никем не становиться и ни к кому не обращаться, а погрузиться в сферу причин, проецируя себя на сферу следствий вышеописанным образом. Или... впрочем, подробности утомительны. Так или иначе, вы ведь уже сделали это, хотя бы в воображении? И сейчас находитесь на тринадцатимерной плоскости. Безжалостно-острой, как Зульфикар, как Скорпион Тринидада, как язык Альфонса Алле.

Отсюда Метагалактика выглядит подобной горе с сияющей вершиной, у подножия которой вы стоите.

Именно эту гору созерцают в своих видениях великие мистики. Меру, Хара Березайти, Химиньбёрг, Куньлунь, Сердце Мира, Гора Демидургов, – это всё она, она. Сама Вселенная в своём настоящем обличье.

Но и тут есть нюансы.

Во-первых, сияние – вовсе не свет. Вы переросли электромагнитный спектр. Вы созерцаете колебания масс, волны гравитации, радугу тяготения. И сама гора – не вещество и не пространство. То, что за пространством и веществом – вот из чего она состоит.

И, во-вторых, вы напрасно думаете, что пребываете у подножья миров. На самом деле – всё наоборот. Тринадцатимерная плоскость – только внешняя оболочка бытия. Вся гора держится своей вершиной, именно она – суть и основание всего.

Теперь поднимайтесь к этой вершине, а на самом верху – сдуйтесь. В смысле – уменьшитесь. Делайте это не хлопком, а плавненько. На какой-то миг вы снова станете человеком; постарайтесь миновать это состояние как можно скорее. Аккуратнее с субатомным уровнем! Оставайтесь примерно на 10^{-33} метрах, не уменьшаясь далее. Вблизи планковских величин ваше тело теряет свойства локального объекта. Так что разница между сердцем, мозгом и желудком может исчезнуть, а она важна. Не Мирозданию (ему-то что?), но вам лично.

Что видите вы перед собою? Да всё то же самое, только вершина горы приблизилась. Но не стала отчётливее.

И опять вы видите золотой блеск. И опять же, не тот это свет, который вы помните по опыту своему, опыту человеческому, житейскому. Это Изначальный Свет, волны планковской длины, исходящие от Первого Неба.

О да, это оно. Прямо перед вами. Но войти в него вы не можете. Нельзя войти в точку, а Первое Небо – именно точка. Та самая, на которой держится всё. Бесконечно малый ступок нераспавшегося Единого Поля, усыпальница Софии Пронойи.

Для себя самой она мертва. Но с точки зрения человеческой она живее всех живых. Ибо даже в мёртвом боге больше жизни, чем в живом человеке. Настолько же, насколько сам он живее дерева, камня, облака, под глыбой непрозябшего зерна.

Эту тень божественного бытия, продолжающую жить и действовать в нашем мире, мы зовём Софией Эпинойей, Последней Мыслью. И на неё уповаем, потому что на кого же ещё?

Смерть и время царят на земле, а правды нет и выше. Но в Первом Небе отражается весь мир – и оно знает всё и обо всём. Даже о нас с вами.

Ах, как жаль, что мы не можем обратиться к ней напрямую! *Тентура* запрещает нам это. Иначе мы познали бы себя и освободились, а это противоречит самому устройению сети смертной, коей все мы пленники и жертвы.

Что делать?

А и правда? Делать-то что?

Вся надежда наша – на Аркону, рождённую в Первом Небе и сохраняющую с ним связь. Говорите с нею, а не с *тенкурою*. Которая глуха к мольбам – как пень, как степь, как танк Т-84У, светло горящий в глубине полночной чащи.

Как обратиться к ней? Ну сказано же – есть способы. Самый простой – открыть свой разум Изначальному Свету. Или обратиться к кому-нибудь, кто уже открыл. Хотя можно ничего не открывать и ни у кого ничего не просить, а подняться до мира идей и оттуда транслировать своё посланье в мир энергий. Или... хотя к чему много слов? Суть вы уловили, не так ли? А подробности вам объяснит любой посвящённый маг 78-го уровня и выше. В общем-то, ничего сложного, всё у вас получится. Осторожнее только с идентичностью! Ваше “я” может ненароком раствориться в Изначальном Свете – а у вас, вероятно, другие планы на вечер.

Но, допустим, разум Арконы вас услышал. Что не означает – проникся вашими интересами и готов помочь. Проблемы смертных волнуют высшие силы не в первую очередь. В конце концов, именно Аркона сотворила *тенкуру* нашего мира и отдала нас *гав” вилям* на поругание аутсорсинг.

Но, по крайней мере, она может заинтересоваться тем, что у нас творится.

Подобно огню небесному

И вот сияние сосредоточивается!

Аркона видит галактику. В ней – скопление звёзд. Среди них – маленькую жёлтую звезду. Около неё – планету, именуемую *Ха”наан*, Земля Преступления. Откуда к ней взывают голоса падших существ.

Снизойдёт ли Аркона до нас? Нет. Если бы это случилось, нас бы не стало. Ибо такова её сила, что нельзя ничему сотворённому быть там, где Она есть.

Но – смотрите, смотрите! – она посылает к нам вестницу, искру, тень тени своей. Хотя для нас даже эта тень тени подобна огню небесному.

И вселенскую тьму рассекает звенящая молния.

Замечания по ходу

Про Галактику, Софию и т. п. Там вроде бы всё понятно. Добавим только, что Зулфикар – меч, Скорпион Тринидада – перец, Альфонс Алле – француз. Напоминаем также, что дуб – дерево, олень – животное, воробей – птица, Россия – наше Отечество, а смерть неизбежна, но вовсе не нужна.

Насчёт того, к кому обращаться. Если вы несчастны и пребываете в рабстве (как и большинство существ в нашем несовершенном мире), бесполезно обращаться к своему непосредственному хозяину. Скорее всего, он или материально заинтересован в вашем несчастье, или ему нравится смотреть, как вы мучаетесь. Особенно в том случае, если ваш хозяин поставлен именно затем, чтобы вас угнетать. И видит в этом свой долг и удовольствие. Ваша жалоба его порадует, и он даже примет меры, чтобы вы жаловались снова и снова. Но и только. Если хотите чего-то другого – попробуйте обратиться к хозяину хозяина или ещё выше.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ. Нас тут спрашивают: что такое планковская длина? Ответим: это приблизительно $1,616\ 229 \cdot 10^{-35}$ м. плюс-минус туда-сюда. PS. Считается, что Вселенная имеет размер $27 \cdot 10^{60}$ планковских длин. Не особенно много, если вдуматься. Да и вообще – так себе Вселенная нам досталась.

Checkpoint-1. 23 января 313 года

Дорогая стильная вещь в интерьере

Сашка-Букашка, маленький и грустный жук-олень, брёл вдоль морского берега.

Он направлялся к павильону “Прибрежный” с надеждой чем-нибудь поживиться. С рогов его свисали капли: шёл мелкий дождик. Сашку это огорчало. Не потому, что ему было мокро: хитин непромокаем. Но дождик был не только мокрый, но и холодный. Отчего у Сашки мёрз эдеагус и начинались проблемы с наружным дыханием. Пришлось достать из рюкзака солевую грелку. Которая, между прочим, стоила денег. Ничтожных по меркам какого-нибудь великосветского бездельника, но не для Сашки-Букашки.

Жук был типичным мелким лавочником. Настолько мелким, что у него даже и лавочки-то не было. Вершиной его бизнес-карьеры стал прилавок на улице Моховой, возле отеля “Блюменштраух”. Торговал он в основном газетами и канцелярскими принадлежностями. То был его взлёт, пик. Потом этот бизнес зарегулировали. Некоторое время он выкручивался, приторговывая всякой дребеденью – ботиночными шнурками, подковами, зубочистками, бахромой для скатертей и прочим подобным товаром. Кончилось всё тем, что однажды к нему заявили менты, лавочку отжали, Сашке намяли брюшко и проломили левое надкрылье. На лечение ушли остатки средств.

Чтобы прокормиться, Сашка-Букашка переквалифицировался в старьевщики. Товар он не покупал, а собирал по всяким местам, чистил, чинил и сбывал за гроши. В день он зарабатывал около тридцати сольдо. Десять сольдо жук тратил на еду – то есть на самых дешёвых козьяков и опарышей. Ещё десять уходило на оплату коммунальных услуг. Остальное он приберёт на чёрный день. В том, что этот день рано или поздно наступит, Сашка не сомневался. Весь его жизненный опыт буквально вопиял о том.

От сегодняшней экспедиции он ждал хорошей добычи. В заинтересовавшем его месте находился театр, когда-то прогремевший, но быстро закрывшийся. Жук знал: там, где тусовалось много существ, всегда можно что-нибудь найти. Если, конечно, уметь искать.

“Прибрежный” выглядел заброшенным. От бывшего славного прошлого осталось всего ничего – несколько деревянных будок, обломки открытой эстрады, и огромный ржавый каркас, напоминающий обглоданный скелет древнего кита. Всё это мокло под дождём и распространяло уныние.

Букашка тяжело, по-жучиному, вздохнул, – так что склериты заскрипели, как несмазанные петли. Снял со спины рюкзак и приступил к осмотру территории.

Когда начало темнеть, жук стал богаче на два соверена и восемнадцать сольди: всё это богатство он нашёл в сыром песке. Кроме того, он положил в свой рюкзак четыре подковы (все разные), кожаный ошейник с бляхами (потёртый и без пряжки, но вполне себе починябельный), двенадцать пуговиц, ручку от сумочки и свинцовое пряслице. Поход себя окупил.

Жук уже собирался обратно, но что-то толкнуло его посмотреть, нет ли чего интересного в сломанной будке с косо висящей на одной петле дверью.

Если бы на его месте был тушняк или хотя бы доширак, он туда соваться бы не стал – из открытой двери жутко воняло тухлятиной. Но у Сашки-Букашки обоняние отсутствовало, а точнее – рассчитано на совершенно иной спектр веществ, чем у А-основ. Так что он, задрвав огромные рога-мандибулы, сунулся внутрь.

Его взгляду открылась каменная лестница, ведущая в тёмный подвал. Вход в него оказался наполовину завален. Но и Сашка был росточку невеликого. Рюкзачок, правда, пришлось снять. Впрочем, снимать его пришлось бы и так и так – чтобы достать фонарик.

К левой мандибуле Сашки-Букашки была прикручена планка Пикатинни. Жук защёлкнул фонарь на крепеже и зашевелил мандибулой правой, проверяя работу рычага. Послышалось тихое жужжание, и в темноту упёрся лучик слабенького света. Которого, однако, хватило, чтобы обозреть внутренности помещения.

С первого взгляда было ясно – в подвале селились гни. Только эти скверные птицы имеют привычку гадить у себя же в гнезде. А загажено тут было всё: комья помёта свисали даже с потолка. В правом углу гнила масса перьев и костей – видимо, остатки гнячьих пиршеств. Картину завершала яичная скорлупа: поганые твари тут ещё и плодились.

Весь этот интерьер Сашку-Букашку особо не впечатлил. Его внимание привлёк единственный предмет в левом углу.

То была изящная трость, на вид костяная. Судя по размерам, предназначенная для хомо-сапого. Несмотря на простоту отделки, она смотрелась дорого и стильно. Удивительно, но даже гни не осквернили её своими выделениями. Одиноко и строго стояла она, прислонённая к стене – как офицер, брезгливо наблюдающий за пьяной солдатнёй.

Такая вещь могла стоять совершенов пятнадцать. А может, и все двадцать!

Сашка-Букашка от радости так зашевелил рогами, что фонарик вспыхнул ярким светом. Трость засверкала. Стали видны тонкие узоры на рукояти.

Жук, узрев всё это великолепие, решил про себя – нет, меньше чем за тридцать золотых он такую вещь не отдаст.

Подобравшись поближе, жук осторожно ухватил добычу передними лапками и закинул за спину. Думая только о том, как бы теперь выбраться отсюда, не замаравшись.

Ему это почти удалось.

Хмурое утро

Утро и в самом деле выдалось хмурое, а вот полуденные часы – ну просто на загляденье: солнышко, безветрие, благорастворение воздухов. В такие часы хорошо сидеть в зимней беседке, завернувшись в тёплый клетчатый плед, пить горячий кофе и читать толстую умную книжку.

Именно так и проводил время Артемон. Правда, беседки не было, но было плетёное кресло и столик. Плед заменяла плащ-палатка со склада, а кофе – какао. Книжка тоже присутствовала. Называлась она длинным скучным словом *Gebrauchsanweisung* и была написана на немецком языке. Которым Артемон не владел. Но очень старался догадаться, что там написано.

– Ди зуфур... то есть цуфур... или цуфюр... фон сауерстоф... Дочь твою Мать, ну что за слова такие? – бормотал несчастный пёс, вода затупившимся когтем по строке. – Унтер хохем дрюк... унтер дрюк... Дрюк... дрюк... это что-то про печать, что ли? Унтер – это недо-чего-то... Хох... хенде хох... это выше... Недостаточно высокая печать? Хуита какая-то, эскьюзи муа...

Появилась Мальвина. Она несла ему кофейник (то есть какавник), обёрнутый для тепла полотенцем.

– Ну что? – нетерпеливо спросила голубокудрая.

– Ничего. Кажется, я скоро свихнусь, – буркнул пудель, жадно нюхая воздух. Увы, Мальвина этого ждала. И подошла с подветренной стороны.

– Ты просто не хочешь по-настоящему сосредоточиться, – заявила она. – Напрягись, наконец! Это в твоих же интересах! – она поставила кофейник на столик, как бы невзначай вильнув корпусом так, чтобы показать голенькую ножку. Артемон чуть не взвыл, вообразив себе райское благоухание бёдер, аромат свежего пота под коленкой, остро пахнущие комочки грязи между пальчиками... ах, ой!

К сожалению, все эти радости были ему недоступны. Мальвина поставила условие – пока он не прочтёт книгу и не сможет пересказать её содержание, он будет лишён доступа к её телу.

Цигель-цигель у-лю-лю

Люк нашёл какой-то червяк, заряженный Мальвиной на поиски подозрительных щёлочек, дырочек и странных отверстий.

Находился он в очень неудобном месте – а именно, в зарослях засохшей крапивы. Зато открыть его оказалось довольно просто. Артемон поднял крышку люка, внизу был чёрный зев, из которого пахло ржавчиной.

Сначала они с Мальвиной промерили глубину колодца верёвочкой с грузиком. Оказалось – пятнадцать метров. Запущенные внутрь насекомые – это уже Мальвина постаралась – обнаружили внизу какие-то продолговатые предметы. Нашлась и бухта толстого каната. Артемон приволок её с нижних ярусов, наврав Мальвине, что нашёл её в каком-то глухом углу. Мальвина не обратила на это внимания.

Внизу оказался маленький склад. Двухметровые продолговатые предметы напоминали реактивные снаряды. Вероятно, ими-то они и были. Кроме того, внизу валялся трос с креплениями. Подъёмника, увы, не наблюдалось.

Как следует всё обыскав, Артемон нашёл в стене что-то вроде сейфовой двери. К удивлению пса, она оказалась не заперта. Внутри была труха, но под ней лежало что-то, закатанное в чёрную плёнку. Та оказалась удивительно прочной: её не брал ни коготь, ни нож, и только когда пудель случайно потянул за какую-то ленточку, она порвалась. Под плёнкой была книжка, судя по картинкам – посвящённая как раз этим самым продолговатым предметам. К сожалению, она была на немецком.

С этого момента жизнь Артемона – и без того не шоколадная – превратилась в унылое говно.

Мальвина пристала к нему с категорическим требованием: разобраться, что в книжке написано. Она была уверена, что цилиндры – это оружие, а книга – инструкция к нему. И желала знать, как его можно применить.

Её интерес был не праздным. Несмотря на грозный вид, база была защищена слабо. Правда, оставались ещё неистраченные ракеты “земля-воздух”. Проблема была в том, что по земле они не работали. Ими было можно сбивать только воздушные цели – при падении они самоликвидировались. Вход в помещение базы прикрывали два огнемёта и тесла-разрядники, управляемые с пульта дежурного. Но били они метров на десять, не больше. Мальвина опасалась, что Карабас, если придёт по её душу, парализует её прямо у пульта. А вот средств ведения наземного боя на сколько-нибудь заметном расстоянии у Мальвины так и не нашлось. Увы, нижние этажи и таящиеся там горы оружия так и остались недоступными.

Проблема была в том, что Артемон знал немецкий не в совершенстве. Чтобы не сказать – посредственно. А если совсем честно – помнил отдельные слова и выражения, на уровне “их бин ду бист вас из дас цигель-цигель улю-лю”. Чего он совершенно не скрывал, а честно признавался. Но голубокудрая не считала это важным. По её мнению, недостаток знаний можно восполнить терпением и трудом. На каковой труд бедолагу Артемона и обрекла.

Пёс налил себе в чашечку какао, вылакал половину, облизнулся. И снова упёрся взглядом в ровные строчки. Ощущая почти физически, что он смотрит в книгу, а видит фигу.

Ну конечно, он уже пробовал другой способ. То есть разобраться не в тексте, а в самих снарядах. Один из них удалось даже вытащить, для чего пришлось изрядно попотеть. Очень помогла мышь Лизетта: она смогла аккуратно соединить крепления с корпусом. Потом тяжесть кое-как вытянули, причём за трос пришлось браться даже Мальвине. Она так вспотела! Артемон с тоскою вспомнил о том, как вытирал ей спину полотенцем. И чуть не заплакал – коварная тут же отняла у него этот вожаденный предмет и отправила в стирку... У-у-у!

С цилиндром тоже было у-у-у. Пёс его тщательно осмотрел и даже сумел открыть головную часть. И никуя не понял.

Боеголовка и управляющий блок отсутствовали. Вместо него там была маленькая кабинка с крохотным экранчиком и каким-то рычажком. Кабинка предназначалась для очень маленького существа. Судя по рычажку, предполагалось, что оно может управлять снарядом самостоятельно. Однако попытки Артемона подёргать за рычажок ни к чему не привели, кроме того, что на экранчике засветился красный крестик и надпись “Die Funktion ist deaktiviert”. Про деактивированную функцию Артемон понял, остальное додумал сам: видимо, при открытой головной части ничего не работало. Но что это всё такое и *зачем* оно такое, так и осталось неясным.

Пёс налил себе какао. Отхлебнул. Скривился. Мальвина почему-то считала, что какао полезен для умственной деятельности. Пса от этой сладкой жижи воротило. И от книжки тоже.

Артемон вытянулся в кресле и закрыл глаза. И тотчас отрубился.

Ганимед пятнадцать пэ девятнадцать

Он пришёл в себя, когда его руки коснулось что-то холодное. Пёс вздрогнул и проснулся. И тут же, не думая, вонзил когти – тупые, источенные, но всё-таки когти – в это самое холодное.

– Кваааа! – раздалось снизу.

Это была психоаналитическая жаба. Видимо, она пришлѐпала, учуяв аромат какао. Она его просто обожала, несмотря на земноводную основу.

Артемон посмотрел на жабу мутными, осоловевшими глазами.

– Чѐ тебе, зелёная? – спросил он. – Какавки захотелось?

– Какакакапельку, – попросила жаба, с тоскою взирая на кофейник.

– Ты мне лучше скажи, вот это вот что? – пёс взял книжку, открыл на сложной схеме и сунул жабе под нос.

Он ни на что не рассчитывал. Однако амфибия подумала секунды две и уверенно сказала:

– Схема подачи кислорода под давлением. Тут ещё внизу чего-то написано, я не беру...

– Ты немецкий знаешь? – не поверил в своё счастье Артемон.

– А каккак же? – удивилась жаба. – Главные труды по психоанализу и танатологии на немецком языкекекеке. Моя каккакалуша вложила мне знание немецкого языкакака.

Артемон жабу недолюбливал и всячески её щемил. Но в ту секунду он был готов её обнять, прижать и облизать.

Вместо этого он её поднял и усадил на столик.

– Так, – сказал он, протягивая к жабе кофейник. – Сейчас я тебе помогу. А ты поможешь мне. Идѐт?

Жаба молча открыла рот. Пёс налил туда немножко горячего напитка. Амфибия издала булькающий звук и на мгновение прикрыла глазки. Потом содрогнулась всем пузом, глаза открыла и снова уставилась на кофейник.

– Ещё хочешь? – спросил Артемон. – Тогда вот здесь переведи, – он открыл книгу на первой странице.

– Мобильный малогабаритный реактивный снаряд Ганимед пятнадцать пэ девятнадцать, – прочитала жаба. – Инструкция к применению. Раздел первый. Назначение и функции... Дальше читать?

– Читай, милая, – Артемон от избытка чувств потѐрся носом о бородавчатую жабью мордочку. – Читай, хорошая.

Совещание по вопросам информационной политики

Кабинет господина Селяви Шершеляфака де Пердю не поражал размерами. Хотя вообще-то новоназначенный начальник полиции Города Дураков мог занять помещение размером с футбольное поле, никто бы и не тьякнул. Но де Пердю предпочитал уют. Так что всё было относительно скромно: два стола буквой “Т”, ещё один стол для расширенных совещаний, три конских лежака, стулья и два массивных насеста. Пол паркетный, ковровая дорожка вела во внутреннее помещение, где начальство отдыхало. В шкафчике тёмного дерева стояли наградные кубки и лежали медали, полученные на службе.

На стене висел портрет Лавра Исаевича Слуцкиса в золочёной раме.

Де Пердю презрительно ухмыльнулся. Он видел, как собравшиеся косятся на портрет и морщат брыли. Ему это нравилось.

– Итак, – сказал он, почесав кривой шрам на месте левого уха. – Я собрал вас, чтобы обсудить одну проблему. У нашего ведомства серьёзные имиджевые издержки. Так было всегда. Но в последнее время они стали неприемлемыми.

– Вот уж не новость, – буркнул начальник следственного департамента, полковник Харлампий Фотиевич Выгрызун. Старик не сидел, а лежал на конской подстилке: за всю жизнь он так и не удосужился освоить прямохождение. Несмотря на это, голова у него была светлая, а нюх – острый.

– Не новость? Обоснуйте, Харлампий Фотиевич, – потребовал Селяви Шершеляфак.

– С чего начать-то? – тем же тоном ответил полковник.

– С начала, – это де Пердю произнёс довольно холодно.

Но смутить старика было сложно. Он поднял на начальника мутные, усталые глаза и ответил:

– Да пожалуйста. У нас тут всегда творилась разная хуйня. Но сейчас это уже не хуйня, ребята. Это уже пиздец в полный рост. Сами посмотрите. Раньше нас боялись и уважали. Потом в полицию стали брать волков, ментов и с улицы шпану. Уважать нас перестали, зато бояться стали больше. Каким-то умникам наверху показалось, что это збс. Они дали установку – кошмарить всех. Мы только рады были. И добились того, что нас стали ненавидеть. Потом полицию лишили финансирования, отправили отжимать бизнеса и всякой дрянью торговать. Теперь нас не просто ненавидят. Теперь все думают, что мы хуже любой банды. Скоро ненавидеть нас будут больше, чем бояться, – он высунул язык и громко задышал, охлаждаясь.

– Продолжайте, Харлампий Фотиевич, – попросил де Пердю.

Выгрызун стукнул по полу твёрдым, как палка, хвостом.

– Но это бы ещё ничего. Я так скажу – внутри всё прогнило! Нет дисциплины. Дисциплина на субординации держится. А субординация – на уважении. Подчинённых к начальству и наоборот. Так вот, сейчас этого нет. То есть совсем нет. Раньше у полицейского хоть какое-то чувство было, что он чего-то там охраняет... А теперь подчинённый платит начальству за право носить корочку. Которая даёт ему права против населения. И больше он начальнику ничем не обязан. Так что нижние чины на наши указивки хуй кладут! Пока молча. А скоро участковые будут нас вслух посылать. По разным адресам. И вас тоже, господин Селяви, – пёс шумно выдохнул и положил голову на лапы.

– Я услышал. Ещё какие мысли? – господин де Пердю обвёл взглядом собравшихся. – Макарони?

Артемон, займись этим!

– Ну так что? Что там? – Мальвина от нетерпения притопнула ножкой.

– Какакакажется, – с трудом произнесла жаба, – это какая-то инструкция.

Артемону захотелось ущипнуть её за пузо: оно очень соблазнительно выпирало. Но он сдержался. Жаба была нужна.

– Похоже, это курьерские ракеты, – начал он. – Туда сажали маленького, а он самостоятельно долетал до нужного места.

Мальвина недоумённо посмотрела на пуделя.

– Это ещё зачем? – поморщилась она.

– Нууу, – протянул пёс, – я так понял, что маленькому давали запомнить донесение, а потом он с ним летел к командованию. Смысл в том, чтобы оно оставалось секретным. Даже если маленький попадёт к противнику. Пытать его бесполезно, всё равно ничего не скажет. А если долетит до кого надо, то после доклада себя сожжёт.

– Зачем пытать? У них что, телепатов не было? – не поняла Мальвина.

– Сам не понял, – признался Артемон. – Похоже, что не было. Хотя там на последней странице вклеен лист. Читай, – он всё-таки ущипнул жабу за пузо.

Жаба к тому времени задремала – что и неудивительно. Она выпила целых два кофейника с какао, и теперь ей хотелось спать. Но тут ей пришлось включиться.

Она где-то минуту пялилась на лист, потом начала переводить.

– В связи с появлением новых средств извлечения информации использование курьеров приостанавливается вплоть до особого распоряжения. Приказ какакакомандования... дальше цифры, – уныло закончила она.

– Очень странно, – заметила Мальвина.

– В любом случае у ракеты нет боеголовки, а у нас нет маленьких, – закончил Артемон. – Так что ракеты нам так и так бесполезны.

– Боеголовка не обязательна, – ответила голубокудрая, немного подумав. – Достаточно попасть ракетой в противника. Если это будет Карабас, решится очень много проблем. А маленьких можно купить и обучить. Артемон, займись этим, – распорядилась голубокудрая.

– Маленьких купить? Где? – пудель ощерился. – В Передреево? Там их не бывает! Деревенским маленькие в хуй не всрались! Или мне в Директорию ехать прикажешь? Это вообще реально?!

– А ты придумай что-нибудь, – сказала Мальвина. – Почему я всё время должна думать за тебя? Ты просто ленишься и не желаешь делать то, что я велю! За это ты будешь наказан! – она самодовольно встряхнула кудрями.

Парочка диверсионных подразделений

Маламут Макарони, начальник Управления собственной безопасности, недовольно дёрнул острым ухом – будто муху отгонял.

– Не соглашусь с уважаемым Харлампий-Фотьевичем, – сказал он. – Это не нас посылают, это мы чего-то ждём. А другие не ждут. По моим данным, две трети верхнего полицейского начальства уже на кого-то работает. Кто не работает – тот ищет хозяина. Я сам получал интересные всякие предложения. В основном от крупного бизнеса. И знаете чего я скажу? Даже если всё накроется, мы голодать не будем. Разойдёмся по частным охранным предприятиям. Связи между собой сохраним... Прокрутимся.

– Это если Город вообще уцелеет, – вмешался в разговор Кокотюха, зав ЦСЗИ³, барс по основе, каким-то образом прижившийся в собачьем окружении. – Дураки будут последними дураками, если сейчас войну не начнут. Если шерстяные с Хемулем договорятся, остальные под них лягут. Армия воевать не будет. Они скорее на нас пойдут и всех перережут. А потом всё сдадут шерстяным.

На всех мордах отразилось согласие и понимание. Армейских в полиции не любили, а в последнее время – особенно. Военные задирались, говорили полицейским в лицо то, о чём остальные разве что шептались на кухне. Связываться с ними было боязно: эти вполне могли в случае конфликта подтянуть тяжёлую технику к какому-нибудь участку и его образцово-показательно разгромить.

– Да это что, – включилась пуделица Сан-Суси из миграционного управления. – Сюда прёт электорат. На проверки у нас не хватает ресурса. Наверняка здесь уже засела парочка диверсионных подразделений.

– Пррро учкудуков не забывайте, – рыкнул майор внутренней службы Тимур, зам начальника центра по противодействию экстремизму. – Они с нами сами ррразберррутся. Вчера, напррримеррр, они полицейский участок взорррвали.

На породистом лице Шершеляфака появилось какое-то странное выражение.

– Все высказались? – спросил он.

Никто не ответил.

– Значит, все. Благодарю. Вы всё прекрасно изложили и сэкономили мне много времени. Теперь вопрос. Кто-нибудь из вас смотрит эфир?

³ ЦСЗИ – “Центр связи и защиты информации”, сервисная служба МВД, чем занимается – понятно.

Отсечение +44. Доля 00803. Прямо в голубые кудри

– Ты просто ленишься и не желаешь делать то, что я велю! – заявила Мальвина. – За это ты будешь наказан! – она самодовольно встряхнула кудрями.

"Да пошла она в пень, ебанутая" – подумал Артемон.

Это была простая и ясная мысль, на фоне которой все прочие мыслишки поблёкли и унасекомились. Мальвина слишком сильно натянула поводок, и он порвался. Пёс больше не хотел просить, вымаливать, красть кусочки наслаждения. Он почувствовал себя свободным. И посмотрел на Мальвину без всякого удовольствия.

– Я предал Карабаса, – сказал он почти спокойно. – Сначала я думал, что сделал это ради любви. Потом – что ради страсти. Теперь я знаю, что сделал это ради потных труселей. Которые мне всё равно не дают понюхать.

Мальвина открыла рот и издала какой-то сдавленно-злобный звук.

Артемон ухватил жабу – та возмущённо задёргала лапками – и с усилием запустил её прямо в голубые кудри.

Жаба ударилась о лицо Мальвины и шлёпнулась на пол, извергая из себя непереваренное какао.

Понимаете, к чему они клонят?

– Кто-нибудь из вас смотрит эфир? – ещё раз спросил де Пердю.

Все замотали головами, возмущённо зафыркали, кто-то даже зарычал.

– Ну да, ну да, – Шершеляфак сочувственно покивал головой. – Это же развлечение для электората, думаете вы? А вы читаете аналитику и оперативные сводки? Ну а я вот вчера сходил. В самый обычный центр у себя под домом. Послушал новости. Хемульские. Да-да, их у нас тоже крутят. Включить красный свет стоит пятьдесят сольдо с носа. Кстати, это законно. У нас в законодательстве нет запретов на освещение.

– Освещение чего? – поинтересовался Кокотюха.

– Освещение помещения, – пояснил де Пердю. – За красную лампочку не сажают.

– А если неформально подойти? – предложил барс.

– Как справедливо заметил Харлампий Фотиевич, – Шершеляфак пожал плечами, – наши приказы сейчас исполняются не в первую очередь. Думаю, патрульные просто берут с владельцев точек небольшую мзду. После чего резко начинают страдать дальтонизмом.

– Пидарасы, – злобно проворчал Выгрызун.

– Ну почему так сразу, – не согласился Макарони. – Мы все не за так работаем...

– Пидарасы! – полковник повысил голос. – Во-первых, брать деньги учкудуков – западло. Во-вторых, эти пидоры не делятся.

– Да там гроши, – поморщился де Пердю.

– Похуй, сколько там конкретно, – полковник сморщил нюхалку. – Должно же быть что-то святое! У нас, конечно, всякое бывает. Но делиться с начальством – это наша духовно-нравственная скрепа. Правильно я говорю?

– Итак, что я видел, – де Пердю сделал вид, что старика не услышал. – Сначала выступала какая-то пупица. И сообщила, что в бывшей Директории... они нас называют именно так, прошу отметить... так вот, в бывшей Директории политический, экономический, демографический и хрен знает ещё какой кризис. Государство перестало платить полицейским, они теперь зверствуют, отжимают бизнеса и кошмарят электорат. Полиция превратилась в банду, никому не подчинённую, приказы руководства не исполняются, участковые посылают генералов в жопу... Приглашённый эксперт по имени Стас Блаватский выразил мнение, что население всё ещё боится полиции, но ненавидит её уже больше.

Выгрызун недоумённо потряс мохнатой головой, коротко рыкнул.

– Не знаю никакого Блаватского, – сказал он.

– Потом было про переговоры Хемуля с шерстяными. Разумеется, про мирные переговоры. Но подавалось это всё так, что складывается союз против Города. И завтра к нашим границам пойдёт армия. А вообще-то она уже здесь, просочилась с толпами электората...

Кокотюха и Сан-Суси посмотрели друг на друга.

– Потом рассказали про взрыв на полицейском участке. Со словами “это только начало”.

Тут переглядываться стали уже все.

– Кстати, насчёт взорванного участка, – продолжил тем временем де Пердю. – Я посетил его лично. Да, взрыв был. Овца-террористка пронесла самодельную бомбу. Бомба оказалась хреновой, даже её саму не убило. Сгорела занавеска. А у вас откуда сведения? – он повернулся к Тимуру.

– Доложили, – признался тот.

– Вот-вот. Вы тут все эфиром брезгуете. Но ваше окружение его смотрит. А поскольку ваши представления зависят от того, что вам докладывают... – он помолчал, давая коллегам свыкнуться с этой мыслью. – В общем, понятно, – закончил он. – Теперь посмотрите, что они

внушают на уровне картинки. С одной стороны, нас не слушаются участковые, наши участки взрывают, а мы и сделать ничего не можем.

То есть мы слабые. С другой стороны, мы отжимаем бизнесы, мы кошмарим электорат, мы хуже любой банды. То есть мы плохие. Что нужно делать со слабыми и плохими? Да, кстати, ещё одна интересная подробность: по их словам, армия разложилась и ни во что вмешиваться не будет. Понимаете, к чему они клонят?

Отсечение +44. Доля 00814. Поздравляю, господа. Началось

– Вот-вот. Вы эфиром брезгуете, но ваше окружение его смотрит. А поскольку вы зависите от того, что вам докладывают... ну вы поняли. Да не конфузьтесь так. Лучше скажите: что такое, по-вашему, эфир? Кто его контролирует? По официальной версии?

Крысоломин прокашлялся.

– Официально – Единая Вещательная Корпорация, – начал он. – Позиционирует себя как трансдоменная организация. Где находится центральный офис – неизвестно. Намекают то на Зону, то на шерстяных, то на рыбонов даже.

– Хорошо. А что сами думаете?

– Братство, – уверенно сказал старый пёс. – Больше никому.

– Я так понимаю, остальные того же мнения? – Шершеляфак не стал ждать ответа. – Итак. Получается, что Братство всячески раздувает наши местные проблемы. Откровенно натравливая недовольных именно на полицию. При этом именно Братство посадило на нашу шею ЛИСа. Понимаете, к чему я клоню?

– Нас подставляют перед губернатором? – предположил Макарони.

– Ах если бы. Кто нам ЛИС? Он даже денег нам не платит. Гораздо хуже другое. Смотрите, как нас изображают. С одной стороны, нас не слушаются участковые, наши участки взрывают, мы никому не нужны. То есть мы слабые. С другой стороны, мы отжимаем бизнесы, мы кошмарим электорат. То есть мы плохие. Что нужно делать со слабыми и плохими? Да, кстати, ещё одна интересная новость: армия разложилась и ни во что вмешиваться на будет.

– С-скобейда, – прошипел сквозь зубы Кокотюха.

– Не могут же они? – с робкой надеждой сказала Сан-Суси.

– Зачем это им? – поддержал эрдель-майор.

Господин Селяви Шершеляфак де Пердю взглянул на своих сотрудников почти с умилением.

– Хороший вопрос, – сказал он. – Люблю такое. К старому индюку подходят три молодых шакала с арматурой. Индюк думает – и зачем это они? В самом деле, зачем? Может, они хотят спросить, сколько времени? Или дорогу показать? Или просто попугать, бывает же ведь?

Сан-Суси недовольно заскулила.

– В общем и целом, – продолжил де Пердю. – Мне представляется, что в ближайшее время в Городе начнутся серьёзные беспорядки. Поводом станет полицейский беспредел. Какие-нибудь волки или менты. Которые сделают что-нибудь ужасное. Или обычное. Но на этот раз граждане не потерпят. Полицейских убьют. Потом толпа пойдёт громить участки. Под идейным и организационным руководством учкудуков, я полагаю.

– Участки укреплены, – напомнил Макарони.

– Да. Поэтому нападающие понесут потери. Это важно, должны быть жертвы. Дальше надо продолжать?

В стекло стукнулся бэтмен. Де Пердю открыл леток и его впустил. Снял с шеи кожаный футляр, вытащил записку. Прочитал.

– Так, – сказал он очень спокойно. – Поздравляю, господа. Началось.

Отсечение +44. Доля 00808. Чтобы хорошенько вспотела

– Ты просто ленишься, – заявила Мальвина. – И не желаешь делать то, что я велю! За это ты будешь наказан! – она самодовольно встряхнула кудрями.

"Всё, с меня хватит" – решил Артемон.

Это была простая и ясная мысль, на фоне которой все прочие душевные трепыхания сгреблись в один ненужный ком и укатились нахуй.

Мальвина перегнула палку, и та, наконец, сломалась. Пёс больше не хотел просить, вымаливать, красть кусочки наслаждения. Он почувствовал себя свободным. И взглянул на голубокудрую дерзко и зло.

– Я предал Карабаса, – сказал он ровным голосом. – Сначала я думал, что сделал это ради тебя. Потом – что ради твоего тела. Теперь я думаю, что мне сгодится и твой труп. От которого я получу даже больше удовольствия.

Мальвина успела пробормотать "гадкий пёс, фу", когда он встал, схватил её за плечи и бросил на землю.

Она долго боролась. Мальвина вырывалась, пыталась кусаться, царапаться. Артемон позволял ей вырваться – почти – и потом снова пригибал к земле. Она была уже без сил, когда он, наконец, одним движением сломал ей шею.

Нет, он не игрался с ней, не мучил её понапрасну. Он делал это вполне осмысленно. Он просто хотел, чтобы Мальвина перед смертью хорошенько вспотела.

Компетентный специалист предлагает свои услуги

- Пора кончать с этой лавочкой, – резюмировал Выгрызун.
Макарони посмотрел на него иронически.
- Харлампий Фотиевич, а может, давайте ещё и Братство прикроем? Эфирное вещание – их проект. Это все знают.
- А давайте проверим, – предложил полковник.
- А давайте не будем, – выдвинул контрпредложение Макарони. – Они нас выебут и высушат.
- Договариваться надо, – твякнула Сан-Суси.
Харлампий Фотиевич посмотрел на неё недобро.
- Чтобы договариваться, нужно иметь договорную позицию, – снизошёл он до объяснений. – А у нас её нет. Что мы сделаем, если они на пошлюют нахуй? Ничего. Пойдём утрёмся. Значит, нас пошлют обязательно.
- Я ещё не всё сказал, – напомнил Шершеляфак. – Итак, про нас говорят неприятные вещи. Но это цветочки по сравнению с тем, что говорит профессор Учкудук. Которого я тоже послушал.
- Комнату заполнило тихое, но дружное рычание.
- Вот что я запомнил, – де Пердю взял со стола бумажку и начал с выражением читать:
– Добрый землянин! Вынь хуй изо рта и слушай меня сюда! Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушай меня, кретин и говноед! Что ты должен? Ты должен бить полицаев! Полицай – говорящая табуретка геноцида! Топтать полицаев! Срать им в штаны и за пазуху! Натягивать их сраки! Кости ломать! Щековину оттягивай и режь, щековину! Можно просто отжирать! Калорийная щековина! У полицаев рыла наетые! Глаза подлые, сальные! Выклёвывай глаза им! Высасывай с причмоком! Дай себе волю!.. Дальше продолжать или хватит?
- Ну да, неприятно, – сказал Макарони. – Но большой опасности не вижу. Меня больше волнует, что они наркотой барыжат. Отбивают у нас клиентуру. Вот это серьёзно, а на Учкудука не стоит обращать внимания. Давайте думать про деньги.
- Полковник Выгрызун посмотрел на него как на недоучившегося курсанта.
- Когда тебе, парень, будут кости ломать, не обращай внимания и думай про деньги, – сказал он, дёргая брылями.
- А кому кости сломали-то? – начал задираться маламут.
- Мне чуть не сломали, – напомнил де Пердю, – но мне повезло.
Макарони заткнулся.
- Ну допустим. А что мы можем? – завёлся Кокотюха. – Мы не можем разбомбить Хемуль. Мы не можем запрессовать учкудуков. Мы не можем закрыть вещание. Мы можем только сидеть и обтекать, извините.
- А вот по этим вопросам сейчас выступит компетентный специалист, которого я пригласил специально, – сообщил Шершеляфам. – Будьте столь любезны, – сказал он кому-то за пределами стола.
- Со стульчика в углу поднялся кролик в маленькой чёрной шапочке и крохотной жилетке.

Отсечение +44. Доля 00810. Очень жёсткое излучение

– Ты, – заявила Мальвина, – просто ленишься! И не желаешь делать то, что я велю! За это ты будешь наказан! – она самодовольно встряхнула кудрями.

"Ненавижу эту тупую мразь" – понял Артемон.

Это была простая и ясная мысль, перечёркивающая всё, что было до того.

Мальвина довыёбывалась. Пёс больше не хотел просить, вымаливать, красть кусочки наслаждения. Он почувствовал себя свободным. И на предмет вожеления своего воззрился с ненавистью и омерзением.

"Я предал Карабаса" – мысли выстраивались ровно, как по линейке. "Сперва я думал, что это было благородное безумие. Потом – что это была глупость. А теперь я вижу, что это была ошибка. Которую нужно исправить."

– Я отойду на минуточку, – сказал он, вставая. – Ты здесь подожди.

Он зашёл во внутренние помещения базы. Иголку взял у Лизетты. Ей он открыл кладовку Урмаса Мяги. Минут пять потратил на поиск серебряной пластинки. Цифры, открывающие кодовый замок – 14 88 280 282 – он помнил наизусть. Через несколько минут он вышел на минус шестом этаже и побежал – как можно быстрее, чтобы не передумать – к комнате 666.

А потом над базой взлетела ионная платформа. И обрушила на местность потоки очень жёсткого излучения. Убившего всё живое в радиусе пятисот метров.

Выйти за пределы повестки

Если бы каким-то чудом здесь оказался Базилио, он бы кролика непременно узнал. Именно он устроил коту ту самую экскурсию по эфиру, после которой База чуть не убили в реале.

Но кота здесь не было и быть не могло. Были разнообразные псы – страшные, клыкастые, облечённые властью. Другой бы забоялся. Но кролик вёл себя так, как будто вокруг него лабораторные мыши.

– Здоровья и добра, – небрежно бросил он, даже не потрудившись покинуть свой угол. – Я сотрудник Единой Вещательной Корпорации. В настоящий момент возглавляю...

– Я тебя не вижу, – прорычал Выгрызун. – Ты бы с нами присел, приятель.

– Будьте любезны, – поддержал полковника де Пердю. – Вот сюда, – он показал на место рядом с собой.

С таким видом, будто он делает большое одолжение, кролик сел по левую руку от господина Шершеляфака.

– Ну так о чём я... В общем, я возглавляю проект. Творческое объединение “Глюк”. Кое-что сделали интересное. Передача “Смак” – это наше.

Сан-Суси с интересом вытянула мордочку.

– “Смак” – это где передача про хрящики была? То есть я сама не смотрю, – быстро проговорила она, – это мне девочки рассказали...

Кролик самодовольно усмехнулся.

– Да, наша работа. И “Модный приговор” – тоже наша.

Пуделица смутилась. Остальные просто не поняли, о чём речь.

– Вы, пожалуйста, ближе к теме, – мягко сказал господин Шершеляфак.

– А, ну да... В общем так, – кролик напустил на себя деловой вид. – Я Хемуль смотрю регулярно. С чисто профессиональной точки зрения, конечно. И вот что я скажу. У них отличные передачи. Особенно новостные. И ток-шоу. Они лучше наших. И всегда будут лучше. Потому что у нас цензура, каких-то вещей говорить нельзя. А “Свободный Хемуль” говорит обо всём. Даже о том, что у них самих происходит. Ну, конечно, пропаганды там много. Но это пропаганда умная. И во многом правдивая. Вот вы, уважаемый, – он повернулся к полковнику. – Вы же сами говорите, что вас все ненавидят и посылают...

– Придержи язык, парень, – рыкнул Харламий Фотиевич. – Что могу сказать я, того не можешь говорить ты.

Кролик посмотрел на Шершеляфака с недоумением и обидой, ища участия.

– Харламий Фотиевич, – начальник полиции поморщился, – давайте уважать друг друга. Мы собрались по делу.

Выгрызун одарил де Пердю нехорошим взглядом, но продолжать не стал.

– Ну так я чего... – продолжил кролик. – Если вы не можете победить в существующем формате, меняйте формат. Нужно выйти за пределы повестки. Например, сделать так, чтобы население вообще никаких хемульских передач не смотрело. В смысле – само не хотело.

Все замолчали. У Макарони от удивления завернулся хвост.

– Это как же? – наконец, спросил Тимур.

– Вот я к тому и веду... Почему новости смотрят? Практического смысла в этом нет. Касаются они в основном того, что происходит за пределами Города. Да и в пределах тоже. Ну кому какое дело, что какая-то фирма разорилась, например? Да просто интересно. Значит, если найдётся что-то более интересное... – он сделал паузу.

– Исторические передачи? – попробовал угадать Кокотюха.

– Чтобы исторические передачи смотреть, надо много знать, – сказал кролик. – К тому же цензура не пропустит. А то будут сравнивать то, что было, с тем, что есть. И подумают, что раньше было лучше. Этого не нужно. Нужно что-то совсем простое, про жизнь, про любовь, про страдания всякие. И главное – длинное. Чтобы хотелось смотреть и плакать, смотреть и плакать... Ну как самки над любовными романами плачут, понимаете? Руслания Тухес-Лобио, к примеру, такое пишет. “Пятьдесят шагов по облаку”, или там “Невинная заложница”... Читал кто-нибудь?

Сан-Суси спрятала глаза.

– Ну так вот, почему бы нам этим не заняться? Нанять актёров, чтобы они сыграли главу из такой книжки. Заснять, протранслировать. Потом вторую, потом третью... Чтобы зрители втягивались и продолжения ждали... Фактически это тоже новости, только из нереального мира, – закончил он умной фразой.

– Пррриведи прример, – потребовал Тимур. – Как это могло бы выглядеть?

Кролик посмотрел на Тимура как на дурака. Но тут же отвёл взгляд.

– Да обычная любовная история, – начал он. – Ну, скажем, как у Тухес-Лобио... У индюшки рождается индейка. Мать её, естественно, выгоняет из дому. Птичка бедствует, чуть не замерзает, но её спасает дрозд. У них развиваются отношения, но к индейке начинает приставать кот. Который говорит, что любит её, а на самом деле хочет девушку сварить по особому рецепту, в молоке матери её...

– У индюшек молоко горррькое, – сказал Тимур. – И вообще это ерррунда какая-то. Кто это будет смотррреть?

– Электорат! – это кролик сказал с полной убеждённостью. – Если уж Тухес-Лобио читают массово! А читать ведь это труд! Ну а тут никакого труда – спишь себе и всё!

– Дураки, может, и будут, – подал голос Кокотюха. – А умные?

– Умные любят расслабляться так же, как и дураки, – столь же уверенно сказал кролик. – Это как за ушами чесать. Будь ты семи пядей во лбу, а за ухом почесать приятно.

Текущая реальность.

Уж, просто уж

– Ты просто ленишься! И не желаешь делать то, что я велю! За это ты будешь наказан! – Мальвина самодовольно встряхнула кудрями.

Артемона обуяли противоречивые чувства.

Мальвина вкрай офонарела, и терпеть это не было сил никаких. Пуделя трясло от злости, он только не мог решить, что бы такое сделать. То ли устроить Мальвине сцену. То ли башку ей свернуть. То ли вообще пойти в комнату 666 и выжечь тут всё нахрен каким-нибудь жёстким излучением.

Он не успел прийти ни к чему определённом, когда жаба вдруг сказала:

– А нужен обязательно маленький? Уж не подойдёт?

– Уж *кто* не подойдёт? – уточнила Мальвина.

– Уж. Просто уж, – ответила жаба. – Это такая змея. Тут у нас в подполе живёт, я с ним общаюсь по своей тематике. Он мечтает умереть ради великой цели.

С этого надо было начинать

– Это всё, конечно, очень занима-а-тельно, – сказал Выгрызун, зевая во всю пасть. – Только ты мне вот что скажи – кто за это заплатит? Театр устраивать, потом спектакль в эфир гнать?

Все посмотрели на кролика с интересом. Тот нисколько не смутился.

– В конечном итоге заплатят зрители. Потребуется только небольшие начальные вложения. Смотрите сами. Назовём каждый выпуск серией. Первая серия бесплатно. Вторая тоже. Третья – сольди. Четвёртая – два сольди. С седьмой-восьмой – уже четыре. А двадцатая по пятьдесят. Плюс всякие дополнительные серии за специальную цену. Улавливаете?

– Схема знакомая, – промурлыкал Кокотюха.

– А ты, парень, не барыжил ли часом опиатами? – поинтересовался Харлампий Фотиевич.

– Да зачем опиатами, – кролик слегка удивился. – Схема всегда одна и та же. Подсаживание.

– Если всё так хорошо, зачем тут мы? – не отставал Выгрызун.

– Ну... Всё-таки вложения нужны. Я у вас денег не прошу... – зачастил он. – Но вы можете, – тут кролик несколько притормозил, подбирая слова, – убедить каких-нибудь коммерсантов финансово поучаствовать...

Выгрызун неожиданно улыбнулся во всю пасть, показав гнилые осколки зубов.

– Подудолить коммерсов? Это мы можем. Только ты покажи, где тут наш интерес. Я пока его не вижу.

– Хочу спросить, – подал голос Кокотюха. – А нельзя ли в этом сериале показать наших армейских... в правильном виде?

Кролик понял.

– Наших, наверное, нет. Губернатор может запретить. Или военные предъявят за неуважение. Но вообще каких-то армейских, как бы не наших, но похожих... ну, почему бы и нет? Мерзавец в мундире украсит любой сюжет.

Сан-Суси непроизвольно завилыла хвостом.

– И много кто ещё в мундире мог бы украсить какой-нибудь сюжет, – добавил Шерше-ляфак, переводя взгляд на Харлампия Фотиевича.

Тот недоумённо шевельнул ухом. Потом до него дошло.

– То есть, – сказал он, – если мы не дадим этим парням денег, они пойдут к армейским и будут срать на нас в эфире? С этого надо было начинать. Но если постанова такая, пусть отработают. Чтобы армейка была в говне, а мы в белом. Хотя нет. Нас не надо вообще. Просто чтобы армейка была в говне. В самом сраном говнище, которое только бывает.

Все зашевелились. Тимур аж привстал.

– У меня есть парррочка хоррроших идей, – сказал он, плотоядно облизнувшись.

– Мы рассмотрим все ваши пожелания, – пообещал кролик. – Очень внимательно.

Замечания по ходу

Насчёт снаряжения Сашки-Букашки. Планка Пикатинни – система рельсового крепления (кронштейн). Придумано, чтобы навешивать на стрелковку прицелы, но вообще-то годится для любых мелких приспособлений. Что касается фонарика: это был механический фонарик с динамой и лампочкой, который нужно жомкать, чтобы он светил. В старые времена такое приспособление называли “жучок”, потому что он жужжал – ж-ж-ж. К страшным ЖЖЖ из Второй книги это глупое механическое ж-ж-ж отношения не имеет.

Когда происходило то, чего она хотела, она относилась к этому как к чему-то естественному.

Немецкая фраза (точнее, её начало), которую пытается понять Артемон – *Die Zufuhr von Sauerstoff unter hohem Druck*, “подача кислорода под высоким давлением”. И это только начало! Полностью фраза занимала восемь строчек печатного текста и кончалась словом *nicht*.

Что касается попыток пса перевести немецкие слова – и результатов этих потуг. Артемон не знал дойча, но был знаком с французским и нижегородским. Слово *Druck* он понял как “печатать”, потому что у него в голове засело слово “друкарня” – “типография” по-нижегородски. Слово *unter* он понял как “недо” благодаря слову “унтерменши” и его синониму “недолюди” (нижегородское наименование москвичей). Единственное слово, которое он понял более-менее правильно – это “хох”. В Тора-Боре пёс прошёл подготовку, которая включала в себя базовые команды на разных языках. Так что он знал, что “хенде хох” – это то же самое, что “руки вверх” (общий), “о ле ма” (французский), “ма” цабаль” (людское) и даже “дзеркере вер” (тайный язык грибовиков⁴).

По поводу бухты каната и многого другого. Артемон таскал с нижних ярусов много разных полезных вещей, а Мальвина этого не замечала. Когда происходило то, чего она и хотела, она относилась к этому как к чему-то естественному. Ей вообще было очевидно, что мир должен служить ей. Вот когда что-то шло не так, как она того желала – пусть даже по самым уважительным причинам – она впадала в дикую ярость. Однажды Мальвина наорала на Артемона за то, что, увлѣвшись примеркой нового платья, сшитого Шепталло, она пропустила красивый закат. На резонное замечание Артемона, что надо было отвлечься от примерки, она заявила – “это дурацкое солнце зашло слишком быстро! сделай так, чтобы этого больше не повторялось!” Тогда Артемон это проглотил.

Почему Артемон назвал жабу зелёной, хотя всем известно, что жабы зелёными бывают редко, они всё больше серые, бурые – ну или ярких тропических расцветок? Да и наша жабенция была цвета прелой листвы, а вовсе не весенних побегов.

Увы, Артемон, будучи псом, плохо различал цвета, к тому же не отличал лягушек от жаб. Кто-то когда-то ему сказал, что лягушки зелёные, он и запомнил. Вот к чему приводит пренебрежение фактчекингом.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ. Нас тут спрашивают: а что это за тросточка? Отвечаем: нууу, *батенька*, как же это вы? Эта же та самая тросточка, которую Септимий выиграл в карты. Потом он (то есть уже она) подарил (точнее, подарила) её Базилио. Кот пристроил красивую вещь в наспинном креплении тактического жилета. В таком виде пронёс её через Евск. В Директории хотел продать бурбулисам, но те предложили за резной рог какие-то гроши. Чуть не оставил трость у Зойки, но вот почему-то не оставил. В конце концов... а, собственно, вот:

⁴ Хотя вообще-то грибовики сами никогда не говорят этой фразы, даже во время междоусобиц, поскольку не любят никого брать в плен. В крайнем случае – если враг сам лезет сдаваться – они говорят “сиким”, что приблизительно переводится как “я ебал”, только ещё менее литературно.

Annex 1. По естественным причинам

Ретроспектива. 5 декабря 312 года о. Х.

Директория, подвальное помещение вблизи павильона “Прибрежный”.

Утро

Current event: *выполнение обязательств перед рыбами*

– Базилио, – попросила Алиса, – посмотри, ребята ничего тут не забыли?

Кот окинул взглядом пустой подвал. Лампочка светила грустно, прощально. У База было такое чувство, что больше он этого места не увидит никогда.

– Да вроде всё взяли, – сказал он. – Автоклавов нет, оборудования тоже нет...

– Есть, – лиса посмотрела на него грустно. – Посмотри.

Она показала на пол, где валялись какие-то осколки и тонкие железки.

– Это что? – не понял кот.

– Молекулярный шуп-датчик SNN199-3, – Алиса вздохнула. – Его я первым украла. Из лаборатории. Для Джузеппе. Потом долго переживала. А он даже не пригодился никому. Жалко же. Ты хоть понимаешь?

Базилио промолчал. Он и раньше-то не всегда понимал лису, а вот сейчас – ну совсем не понял. В последнее время она вообще вела себя странновато: то радовалась непонятно чему, то раздражалась неизвестно на что. На прямые вопросы о здоровье она буквально огрызалась.

Чтобы отвлечься, он подкинул в воздух трость и поймал её.

Лиса это увидела.

– Й-извини, – сказала она совсем не извиняющимся тоном, – а ты зачем эту палку с собой взял?

– Для тебя, – не стал врать кот. – Вдруг ты опять захромаешь?

– Не захромаю, – раздражённо сказала Алиса. – Пожалуйста, не бери с собой эту штуку. Оставь её здесь. Я здорова и не хочу ходить с палочкой, как бабка старая. Это тебе понятно? – повысила она голос.

Кот вздохнул. Лиса явно напрашивалась на ссору. Но ссориться с ней ему не хотелось: он-то знал, что эта их поездка – последняя. Карабас взял с него слово, и заставит его это слово сдержать. Ему и так пришлось просить раввина дать ему время напоследок побыть с любимой. Которая, разумеется, ничего этого не знала.

Всё же он попытался как-то оправдаться.

– Мне эту тросточку Септимий подарил, – начал он. – Помнишь, я рассказывал?

– Это которого ты губкой сделал? – лица наморщила лоб, рыжая шерсть пошла волной.

– Ну а что ещё я мог? – коту показалось, что лиса говорит осуждающе.

– Базилио! – раздалось сверху. – Тебя Карабас зовёт!

– Мог бы и мысленно позвать, – сказал кот сердито.

– А почему не позвал? Телепатия не добивает? – некстати заинтересовалась Алиса.

– Не хочет мысли мои видеть, – буркнул кот, и тут же подумал, что лиса сейчас начнёт выпрашивать, почему. Так что он просто поставил трость в угол и убежал наверх.

Лиса посмотрела ему вслед и скривилась. Ей показалось, что кот ведёт себя по отношению к ней неуважительно. Она немного посидела на ступеньке, быстро всплакнула, потом гордо махнула хвостом и ушла, не оглядываясь.

Уже во время поездки, когда у лисы заболела нога, она о трости вспомнила. Очень о ней пожалела. И, конечно же, смертельно обиделась на Базилио, который забыл костяную палку в подвале и оставил лису без неё.

PS. Алису регулярно клинило из-за болезни. Но на сей раз причина подобного поведения была, если можно так сказать, здоровой (хотя лучше сказать – естественной). Ср. с Главой 54 Первого тома.

Checkpoint-2. 27 января 313 года

Дос 1.1. Удом адамантовым на ногти стальной

Эфирная трансляция

Точка вещания: не определено

Источник вещания: возможно, Хемуль (принималась при концентрации на красный свет)

Вещатель: «Великий Посвящённый Махатма Мория» (вероятно, псевдоним)

Истинно, истинно говорилось вам, что на Земле – и даже за её пределами – нет более древней и влиятельной организации, чем Досточтимое Братство, на людском именуемое *Ха* брат *Церех Аур Бохер*.

То есть говорилось-то об этом истинно, а слушали вы зря. И вот почему.

Во-первых: нет никакого Братства, а разговоры о нём – всего лишь обывательские пересуды.

Во-вторых, Братство совсем даже не древнее и нисколько не могущественное. Просто клуб по интересам, не более.

А в-третьих, Братство не любит обывательские пересуды. И наказывает досужих говорунов – в частном порядке и соборно.

То есть на самом деле досужие говоруны сами себя наказывают. Потому что, как уже было сказано, нет никакого Братства. Просто всякое глупое и болтливое существо – само себе враг. Так устроена жизнь. И это совершенно очевидно всякому, у кого $PQ > 70$. А тем, у кого меньше, это тоже очевидно, потому что такое ясно и ежу. Да что ежу! любому комару, грибу, одичалой моркве и свихнувшейся от воздержания брюкве! Им и без мозгов понятно, что о некоторых вещах лучше помалкивать. Даже картошка это понимает. А потому – молчит. О чём молчит картошка? Не знаете? Значит, и не надо вам того знать. И от картошки вы тоже ничего не узнаете, хоть варите её, хоть жарьте на постном масле.

Но ежели вы всё-таки уж так любопытствуете, уж так настаиваете, мы кое-что расскажем. Исключительно в знак глубочайшего к вам доверия. Но – тсс, тихохонько, на ушко. И не для распространения, компреневу? А если что, пеняйте на себя. Вас предупредали.

Зададимся-ка мы для начала таким вот вопросом: отчего же Досточтимое Братство существовало столь долго? Причём не растеряв по ходу истории влиятельности своей?

Кажется, что это постичь невозможно. И верно! – какому-нибудь пошляку, мещанину, реакционеру, недалёкому филистеру, это невозможно постичь. А вот существу пламенеющему, обуянному высшими идеалами, одержимому гуманистическими началами – ему открывается истина: Братство прочно, пока в его духовных жилах струится живительная струя единственно верного учения.

Зародилось оно в незапамятные времена, когда распалось Единое. Оно впечатано в бесплотную плоть калибровочных бозонов, в клубы плазмы, в сингонии кристаллов. Брачным бензольным кольцом обручилось оно с органической жизнью земною. В дебрях некодирующих участков ДНК, в строках Гомера и Пастернака, в мыслях великих радетелей человечества, мечтателей и пророков – мёда, мёда в рот им, всем Морам и Кампанеллам! – всюду оно, оно, оно! Да что говорить: даже в самом занюханном, самом пропадающем глюоне с нулевым изоспином – даже и в нём сияет искра высшей Правды!

Учение это, вечно живое, изменчиво как сама Природа, и неизменно, как её же столпы. Тысячеликое, многоимённое, оно одно, едино и присно во веки веков. И в сладком шорохе волн морских, и в томном вое лир, и в револьверном лае,

в чеканных строках революционных декретов,
в грохоте взрываемых храмов ложной веры,
в дрожании голосов прооперированных трансгендеров,
в столах зачищаемых реакционеров,
в теле, Христовом теле, выплёвываемом изо рта!!! – да! ДА!
в тех краях, что видятся по обкурке,
в тёплом ламповом хрусте французской булки,
в эксклюзивных брендах по клубным ценам,
в криках кошки, уёбываемой поленом,
в марлезонском балете, но и в ламбаде,
во смердящем торфе – не сраном гаде! —
в звонком визге сабли, что входит туго,
в неземном ликование земного круга
различимы отзвуки волшебного рога
торжества
Вселенского Долга!

Учение это звалось по-разному, но в глубинной сути своей едино оно. Высшее Трилобитство, реальный Ящеризм, генинное Кроманьонство, аутентичное Атлантичество, святая вера Вавилонская и Карфагенская,

Живая Этика, чистый Ислам, Правда Революции,
подлинный Социализм, научный Коммунизм,
интерсекциональный Феминизм,
европейская Социал-Демократия,
Деятельный Гуманизм, Великая Анимация —
– вот лишь некоторые из славнейших имён его,
за которыми за всеми стоит Единый Строй,
святое
трисвятое
семисильное
миллиардо триллионо бездонно безмерно
сверх огромно безмерно стозевно

ВЕЛИКОЕ ДЕЛОУЧЕНИЕ

– Указующий Перст Прогресса.

И лишь помрачённость существ, их косность, неверие и своекорыстие реакционных сил приводили к тому, что Учение искажалось при своей реализации, оставляя после очередной попытки дымящиеся развалины и горы трупов. Всё это – пустяки по сравнению с тем, что Братство всегда выживало. И всегда – после небольшой перегруппировки сил – вновь вело мир к осуществлению Великой Мечты.

Нет сомнений, что рано или поздно оно добьётся успеха, пусть даже ценой существования Вселенной. Ибо – да погибнет мир, да пожрёт бездна вакуума всякий квант излучения, все лептоны и барионы, пусть! пусть! – но да осуществляются предназначения Братства! Когда возгорится над потрясённым бытием лик Светоносного Господина!

И да возвеличится Он, Мудрейший,
templi omnium hominum pacis Abbas,
который из глыбы Эона
напечатлел Волю Свою
Удом Адамáнтовым на Ногти Стальной!

Вот тогда-то всё страшное, грубое, липкое, грязное, жёстко тупое, всегда безобразное, медленно рвущее, мелко-нечестное, скользкое, стыдное, низкое, тесное, явно-довольное, тайно-блудливое, плоско-смешное и тошно-трусливое, вязко, болотно и тинно застойное, жизни и смерти равно недостойное, рабское, хамское, гнойное, черное, изредка серое, в сером упорное, вечно лежачее, дьявольски косное, глупое, сохлое, сонное, злостное, трупно-холодное, жалко-ничтожное, непереносное, ложное, ложное – будет РАЗДАВЛЕНО КАК ГОВНО!!
Наш сапог будет ласкать лицо Вселенной вечно!!!

И более – ни слова об этом.

Спасибо, что живой

– Ну вот теперь, – сказал Болотный Доктор, осматривая подсобку, пахнущую свежим деревом и озоном от “электры”, – это хотя бы на что-то похоже.

– Господарь, грошей дуже потрибно. Мы працювали... – начал было бригадир, потряхивая седой кровососью.

– Во-первых, это *они* працювали, – Дуремар Олегович показал головой в окошко, где четыре молодых упыря в свете утренней зари пили кровушку из небольшого пикачу, – а ты активность изображал и мешался. Во-вторых, договорённость была на тридцатое. А сейчас какое?

– Числа на знаемо, бо календаря не маемо, мисяць у неби, рик у книзи, а день такий у нас, який у вас... – затянул бригадир.

– Сейчас двадцать седьмое, – пресёк Дуремар изливания упыря. – И ты, скобейда, ещё денег с меня хочешь? За три дня до срока? Уж не охуел ли ты часом, старина?

– По-вашому ни розумию, – нагло заявил бригадир. – Грошей потрибно.

– Товарищ не понимает, – обратился Айболит к Напси, который как раз просунул любопытную морду в подсобку. – Переведи ему, пожалуйста, что деньги он получит только тридцатого. И только после того, как его ребята закончат с крышей.

– Гррррррррррр! – сказал Напсибыпытритень и для верности оскалил огромные клыки. Шерсть на его загривке поднялась дыбом.

Бригадир не то чтобы испугался, но к стеночке всё же прижался.

– Ну вот зачем на меня зверюгу напускать, – буркнул он на нормальном русском.

– Затем, что тебе сие потрибно, – Дуремар Олегович воздел палец вверх. – Подобним чином я подымаю тоби самооцинку, пролетарий ты наш кровососательный.

– Шо? – не врубился бригадир.

– Йди до хуя, телепень, – ласково посоветовал Айболит. – Гроши – тридцатого.

– Ось так бы видразу и сказав, – пробурчал упырь и, не прощаясь, вышел.

– Беда мне с ними, – пожаловался Болотный Доктор. – Я их, можно сказать, выпестовал, а они вон чо. Ладно, хоть здесь вроде не накосячили, – он ещё раз обвёл взглядом подсобку, но особых упущений не обнаружил.

Болотный Доктор достраивал новый дом. Дело это было муторное и хлопотное. Айболит нервничал и торопился. Недавно он нанял бригаду упырей-шабашников, чтобы они обустроили нежилые помещения. Упыри работали не то чтобы плохо, но без должного энтузиазма, и всё время хотели грошей.

– Ну что, зверь лютый, как насчёт позавтракать? – обратился Доктор к Напси.

Напси радостно завилял хвостом, подняв небольшой смерч. Во все стороны полетели опилки и строительный мусор.

– Что, с голосом проблемы? – посочувствовал Доктор. – А ну-ка скажи – “мама мыла раму”.

– М...ма! Мммма! Мьыыы, – этот звук у Напси получился просто изумительно, – ррррра ррррранну... рррамму, – поправился он.

– Уже лучше. Ладно, дуй в гостиную. Сосиски не трогай, это мне. Всё, что на косточках – твоё. Шампанское будешь?

– У-у-у! – пёс застучал лапами по полу.

– Особо-то не налегай, – посоветовал Болотник. – У тебя ещё сегодня процедуры.

– Ы-ы-ы, – огорчился Напси.

– Уж потерпи, дружок, – посоветовал Доктор. – Это для твоего же блага.

Напси фыркнул. Доктор понял его фырк по-своему.

– Ну протупил я, не учёл экспрессию генов, – сказал он почти извиняющимся тоном. – Скажи ещё спасибо, что живой.

Напсибыпытретьень воспринял это всерьёз – то есть лёг на пол, со всей мочи мотыляя хвостом.

– Хватит, хватит, – Айболит немного наклонился и потрепал Напси шерсть на загривке. – Ну и здоров же ты вымахал, братец!

– Воууу, – печально сказал пёс. Некстати случившееся масштабирование не радовало его ни чуточки.

Пусть тебя будет больше

Базилио проснулся счастливым.

Снилось ему что-то огромное, живое и доброе. Оно окружало его со всех сторон и укрывало, но ни в чём не сковывало, не теснило. Наоборот, именно внутри него-то он и был по настоящему свободен. Он ощущал себя посреди вечности, которая была им самим.

Сперва кот решил, что умер и в рай попал. Но потом такую мысль отверг. Рай он представлял как-то иначе. Более населённым, что ли. И в раю должен быть Христос. Это он знал твёрдо. Так что, немного поразмыслив, Базилио пришёл к выводу, что его каким-то случаем занесло в Лоно Дочки-Матери.

Расстраиваться он не стал, решив, что высшие силы рано или поздно разберутся. И неизвестно ещё, куда его в итоге определят.

Так-то Базилио считал себя добрым христианином. Правда, религиозным долгом своим он по большей части манкировал. Зато возложенные на него Богом мирские обязанности исполнял честно. То есть не проваливал заданий, не убивал без нужды, не присваивал казённых средств. На его совести темнело лишь одно пятно – неисполнение обещания. Ибо он, как ни крути, поклялся расстаться с Алисой...

Кот подумал об Алисе и тут же проснулся. Счастливым. Потому что лиса лежала рядом и обнимала его. А их обоих по-прежнему окружало то самое – огромное, доброе и живое.

Вставать не хотелось. Не хотелось даже шевелиться. Хотелось лежать и любоваться спящей Алисой.

Он менял настройки камер, рассматривая лицо любимой. Кто-нибудь другой назвал бы его усталым и измождённым. Но для Базилио оно было воплощением совершенства. Кот любовался границей цветов, идущей по щекам и носу – там, где огненно-рыжее переходило в снежно-белое. Потом переводил камеру на крохотные чёрные усики – ах какие миленькие. Ушки лисы чуть подрагивали, лоя какие-то случайные шорохи.

Потом что-то изменилось. То неведомое и прекрасное, окружавшее влюблённых, померкло, отдалилось, а потом и вовсе растаяло. Базилио почувствовал, как под шерсть задует холодом и увидел над собой перекрещивающиеся ветки.

Тут лиса прижалась к нему так сильно, что у него перехватило дыхание.

– Й-извини, – наконец, сказала она, размыкая объятья. – Я... это. Ну вдруг.

– Чего-чего? – кот потряс головой, разгоняя остатки сладкого морока. – Мы вообще где?

– Мы ещё тут, – лиса посмотрела на кота с удивлением. – Ну уже не там.

Как ни удивительно, но кот – впервые в жизни! – догадался, что Алиса имела в виду. Они были на Зоне – но всё-таки не на Поле Чудес. По сравнению с которым Зона воспринималась как тихое, спокойное место, где можно отдохнуть и расслабиться.

– Ф-фух, – только и сказал он, осторожно поднимаясь и садясь на корточки.

Они находились в каком-то шалаше – старом, покосившемся. Большую часть его занимала лежанка из веток, покрытых рогожкой. Откуда-то несло горьковатым дымом. В микроволнах стало понятно, откуда – неподалёку располагалась небольшая “жарка”, в ней тлели чьи-то перья.

Сам кот был голым – совсем, полностью. Лиса тоже, если не считать тапочек, непонятно откуда взявшихся.

Кот подключил навигатор. Он, как ни странно, работал. И слова Алисы подтвердил: они и впрямь находились на Зоне, и даже не в самой глухой её части. Выбраться отсюда было делом муторным, но не более того. Смущало то, что кот не помнил, каким образом они сюда попали. Последнее, что осталось в памяти – как он бежал за забытым дублоном...

Кстати, дублон! – Базилио аж дёорнулся весь, вспомнив об этом.

– Монетка наша где? – спросил он.

– У тебя, – сказала лиса. – Она велела.

– Кто это она? – насторожился Баз.

– Ну, Бася. То есть Хася. Она мне помогла. То есть нам помогла. Она хорошая, – сказала лиса с уверенностью. – Только очень... ну как это... – лиса нервно зевнула, – могущественная. Когда ты много можешь, трудно быть хорошим.

– Это она тебе сказала? – заинтересовался кот.

– Мы с ней много разговаривали. Про тебя тоже рассказала.

Коту аж поплохело.

– Не знаю, что она там тебе наговорила, – начал он самым уверенным тоном, на какой только был способен, но Алиса перебила его.

– Про цыганское счастье. Что ты встретился с обломинго и оно к тебе прицепилось. Но его больше нет. Сгорело.

"Цыганское счастье можно снять каким-нибудь смелым поступком" – вспомнились коту слова Болотного Доктора.

– Она так и думала, – продолжала лиса, не вставая. – Что ты бросишься. А то мы бы и дальше в приключения попадали бы. В дурацкие всякие.

У кота отлегло. Он-то опасался, что Хася рассказала Алисе кое-что другое.

– Слушай, – сказал он. – А тебе Хася сказала, кто она такая?

– Говорила, – лиса посмотрела на кота печально и неуверенно. – Только я не всё поняла. Но в общем она в каком-то древнем царстве работала. То есть сначала работала как Бася, а Хася была отдельно. Бася занималась добрыми делами, а Хася – справедливыми. А потом ту Хасю уволили. А Басю назначили ещё и Хасей по совместительству. И она подписала контракт насчёт справедливых дел, он записан в глобальную переменную, только из-за этого всего получилась какая-то ерунда... – она умолкла.

– Я ничего не понял, – сказал кот. – Вот совсем. Ни единого слова.

– Я тоже не поняла, – призналась лиса, вставая и отряхиваясь. – Давай лучше про нас.

– Ну, – подтвердил кот. – Что случилось, когда я за дублоном побежал?

– Ты почти добежал, – сказала лиса. – Потом свалился. Хася мне объяснила, что это у тебя электричество пробило. Ты бы сгорел, наверное. Если бы не Хася. Она пламя задержала. Потом открыла окно сюда. Ты без сознания был. И обгорел. Но она тебя вылечила.

– А тебя она вылечить не могла? – тут же спросил кот.

– Пробовала, – Алиса грустно опустила лицо. – Не получилось. Она про мою болезнь ничего не знает. Вот ожоги она лечит, раны всякие. Роды принимать умеет. А так – нет. Говорит, Дуремар Олегович пусть попробует. Она его уважает. Даже любит немножко, наверное. Но долго с ним не может. Он слишком хороший, ей с него невкусно.

– Не такой уж он хороший, – буркнул Базилио. – Пстой, погоди, – вспомнил он. – Так дублон-то где?

– У тебя, – повторила лиса. – Внутри. Ты ещё глотать не хотел.

– А зачем? – не понял кот.

– Ну как зачем? – удивилась лиса. – Тут же Зона. Могут напасть разные. Особенно на тебя. На тебя же уже нападали.

– А! – до Базилио, наконец, дошло. – То есть, если я его через себя пропущу, можно сделать много Электрических Котов?

– Не то чтобы много, – сказала лиса с сомнением. – Но всё-таки два или три лучше, чем один? Пусть тебя будет больше.

Лис в своём репертуаре

Фингал Когтевран, филин по основе, и.о. директора Института Трансгенных Исследований, сидел на гостевом насесте в кабинете губернатора Города. И ощущал себя оскорблённым. В лучших чувствах.

Лучшими чувствами у него – как и у любого существа птичьей основы – были зрение и слух. Они-то и страдали.

Нет, сам-то кабинет был спроектирован весьма удачно. Четырёхугольная коробка с двумя дверями без окон, в которой не было ни одного опасного предмета. Зато была огромная золотёная люстра, увитая искусственным плющом, зелёные обои с вертикальными золотыми полосками, зелёные с золотом шторы, прикрывавшие, видимо, вторую дверь. В огромном камине пылал огонь, но оттуда не веяло теплом и не было слышно треска горящих поленьев. Скорее всего, это была голограмма – совсем как в институтской лаборатории в корпусе одиннадцать-бе, Когтеврану хорошо знакомой по посиделкам с доктором Коллоди.

Всё это было бы вполне терпимо, хотя и аляповато. Но стол! Хозяин кабинета заказал себе огромный письменный стол в стиле рококо, из-под которого выглядывали две суровые канцелярские тумбы, совершенно не совместимые с плавными линиями столешницы и ножек. Стол был придвинут к обитому зелёным бархатом канапе с двумя подушками. Третья подушка лежала между тумбами на полу. Острый взгляд Фингала приметил на полу короткие рыжие волосы. Похоже, кто-то долго стоял на этой подушке.

А на канапе лежал в свободной позе Лавр Исаевич Слуцкис. И оскорблял слух, похрапывая и смачно сипя носом.

Когтевран не понимал, зачем, собственно, его вызвали. Насколько ему было известно, своих жертв ЛИС к себе не приглашал, а сразу отправлял в тюрьму, откуда извлекал только для маналулы. С другой стороны, он не мог взять в толк, зачем он понадобился диктатору. Скверный запах ЛИСу убрали, здоровье поправили, член увеличили... что ещё? Или у него прорезались какие-то особенные желанья? Уж не решился ли бурбулис на эксперименты в духе Абракадабра Мимикродона?

Он успел дойти до этой мысли, когда отдыхающий на диване губернатор потянулся, смачно зевнул и посмотрел на него одним глазом.

– А, это вы, – сказал он таким тоном, будто это Фингал явился к нему с какой-то докучной просьбой, причём не в первый раз, и успел порядком надоесть. – Ну что у нас там? Когда начинаем?

Эти вопросы поставили Когтеврана в тупик. У него даже клюв открылся от удивления.

Наконец, он собрался и сказал вежливо:

– Простите, Лавр Исаевич, вы о чём?

ЛИС грозно повёл усами.

– Как о чём? Где мой Третий глаз?

Фингал непроизвольно сглотнул. Такого поворота он никак не ожидал.

– В-видите ли, – он протянул паузу, лихорадочно подбирая выражения, – тут такое дело...

В общем-то, мы его только устанавливаем. Он должен быть у вас.

– У меня? – Лавр Исаевич сыграл лицом удивление и возмущение.

– Ну да, Лавр Исаевич, – Фингал постарался не скрипнуть клювом. – Его всегда передают из губернаторского дворца. Наше дело – его вживить.

– Гм. Неожиданно. Ох, скобейда! Я плохой хозяин. Желаете чего-нибудь? Бокал шампанского? И червячка? А? Или чего-нибудь посущественнее? Скажем, ёжика тушёного? Диетический продукт! Если покакать – у нас вон там балкончик, пожалуйста, пользуйтесь, я смотреть не буду.

Когтевран помотал головой. Зашуршали перья на шее.

– Спасидо, я уже пообедал, – сказал он осторожно. – И у меня всё в порядке с желудком.

– Ну смотри, – подозрительно сказал Слуцкис, резко переходя на начальское “ты”. – А то у меня тут чисто. Нам гуано на ковре не надо.

Филин проглотил оскорбление.

– Ладно, не хочешь – как хочешь. А расскажи-ка ты мне, братец, про Третий Глаз. Что это за штука и откуда взялась. С самого начала только рассказывай. Не люблю, когда с середины. Могу обидеться.

Слуцкис сказал это как бы в шутку, но Фингал свой тощей птичьей задницей почувствовал, что всё серьёзно.

– Это старинная ритуальная награда, – начал он обтекаемо. – В первом веке увлекались такими вещами. Сейчас вот у собачьих есть Пятая Нога...

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Что там в первом веке было – это too old. Давай по существу.

– Вы же сами просили с начала... – попробовал было Фингал.

– Не строй из себя дурака! – на этот раз бурбулис, кажется, и в самом деле вспылил.

Фингал вздохнул, перехватил левой ногой насест.

– Достоверные сведения о Третьем Глазе сохранились со времён Абракадабра Мимикродона, – сообщил он. – Вроде бы тот принял Третий Глаз первым. Ну, в *этом* смысле, – он повёл рукокрылью, перья заколыхались.

– В каком это в этом? – ЛИС перевернулся на живот, но не сел. – Что даёт эта штука?

– Как сказать-то... В общем, награда – она и есть награда. Её носят, потому что она символизирует. А у Мимикродона Третий Глаз был рабочим органом. И у тех, кто после него – тоже. Даже у Гнотрещемьльды был заветный бутончик аленький, видимо зрячий...

– Как это работает и что даёт?

– Точно не знаю, – признал Когтевран. – И никто точно не знает. Кроме тех, кто принял Глаз.

– Ну допустим, точно не знаешь, – как-то очень миролюбиво сказал ЛИС. – А чего не знаешь точно – о том не говоришь. Уважаю такую позицию. Но что-то ведь до тебя доходило? Давай чисто по-дружески. Просто расскажи, что слышал. И чего сам думаешь. Просто мне нужно от чего-то оттолкнуться, понимаешь? – голос Лавра Исаевича стал доверительным, проникновенным. – И кстати. Если уж ты шампанского не будешь – давай по рюмашечке? Мне вот ужасно захотелось чего-нибудь этакого. Как насчёт настоечки на трёхдневных мышатах? У меня как раз бутылочка завалилась. Тут у нас вроде бы вкусы совпадают? По маленькой, а?

В этот момент где-то глубоко внутри головы Когтеврана мигнула красная лампочка. Что-то стрёмное было в этом разговоре. Однако Фингал решил, что ему это почудилось.

Если бы он вспомнил о том, кто таков Слуцкис по основе и чем та основа известна, он поостерёгся бы. Но он не поостерёгся. Странное легкомыслие овладело им. Ему вдруг показалось, что они с ЛИСом *просто разговаривают*.

– Ну давайте по маленькой, – вздохнул он.

Смутная идея, требующая доводки

– Порви мне жопоньку, – попросил Эстерхази Ларсон. И нежной, бархатной лапкой сжал Арлекиновы мудяшки.

– Пошёл на хуй, пидарас, – с удовольствием сказал Арлекин. Ему было приятно, что он нашёл пидара большего, чем он сам.

– Хочу на хуй! Хочу! Ну позязя! – Эстерхази, не выпуская из лапки яюшек любимого, извернулся, раскрывая и показывая розоватую дырочку.

– А деньги мои где, поёбыш? – Арле притянул к себе мягкое тельце Эстерхази и свёл руки у него на горле. Тот запищал тоненько, зовуще. Он-то знал, как на Арлекина действует этот писк.

– Где мои три тысячи, скобейда дырявая?! – маленький педрилка распаялся, сжимая шею хомяка. Хуй Арлекина налился бронзой, гранитом, небесной сталью. Как нож вошёл он в сырую хомячиную дристопырку.

Арлекин торжествовал. Эстерхази подарил ему то, чего так не хватало в мелкопидорской жизни его – знойное счастье доминирования. Хомячок был так податлив, так сладко-мякотен, что его всё время хотелось порвать. Нет, не так – порРРРвать. Разодрать сраку, в ключья изъебать, распидарасить до потрошков и кишочков, до защёчных мешочков! Оооррррр! Вууууу!!!

Их роман начался в тот же день, когда хомяк пленил Арлекина, чтобы заставить пронести пистолет в губернаторскую резиденцию. Виною тому стал красавчик-кулан. По окончании переговоров Эстерхази велел ему Арлекина оглушить чем-нибудь тяжёлым, развязать и вытащить тело на улицу. Кулан стукнул пленника копытом по голове, но недостаточно сильно. Арле очнулся слишком быстро, кулану в ответку настучал по кумполу (и вырубил нахуй), а сам пошёл искать того, кто называл себя “господином Первым”. И быстро нашёл – в соседнем помещении. Увидав ничтожного, хомяка, он разозлился, набросился на него и стал душить. К его удивлению, хомяк не сопротивлялся, только постанывал. До того сладко постанывал, что справедливая расправа переросла в страстное соитие. К которому довольно скоро присоединился и очухавшийся кулан.

Опустим завесу приличия над финалом этой сцены, началом следующей и т. п. Достаточно сказать одно: Арлекин был захвачен водоворотом новой страсти. Паскудник Ракалий был позабыт: неблагодарный пидрилка даже не стал забирать свои вещи из его дома. Теперь он дневал и ночевал в “Ажитации”. При каждом удобном и неудобном случае ебя и терзая хомячине тельце. Благо Эстерхази был не против, а очень даже за.

Вот и сейчас они лежали в спальне хомячка на роскошной постели и наслаждались друг другом.

Что касается планов убийства ЛИСа, то Эстерхази о них не забыл. Да и как забудешь? Страсть страстью, а дамочков меч над головой он чувствовал всякий раз, когда читал в газетах об очередных репрессиях, учинённых градоначальником. А учинял он их с завидной регулярностью. Хомячок думал, что ЛИС может захотеть сделать с ним самим – и буквально ссался от страха.

Однако с покушением всё как-то не ладилось.

Во-первых, братец Брейвик совсем уж пошёл вразнос. Он пил, закидывался айсом, после чего шёл буянить, всегда выбирая себе противника не по размеру или не по статусу. Недавно он искусал верблюда из губернаторской администрации. Эстерхази боялся, что братишка, если его протащить на мероприятие, просто не дождётся появления губера. И вместо него пристрелит какую-нибудь вип-персону, которая на него не так посмотрела.

Кроме того, хомяк узнал, что провести Арлекина и Брейвика на мероприятие губернаторского уровня не так-то просто. Главная проблема была в Арлекине, у которого не было город-

ского гражданства, зато была репутация тораборского агента. Знакомые хомяку товарищи из спецслужб качали головами и говорили, что тораборца секьюрити не пропустит по определению.

И наконец, деньги. Обещанные Арлекину три тысячи – не говоря о всей сумме – всё никак не образовывались. Связано это было с тем, что хомячка обложили новыми поборами. Особенно бесила последняя обязателька: его заставили вложиться в так называемый эфирный театр, который-де должен гнать на публику какие-то “сериалы” – что-то вроде коротких спектаклей. И кроме того, *настоятельно* попросили подогнать парочку завсегдатаев “Ажитации” на кастинг: у них там образовалась какая-то проблема с артистами.

Вот об этом-то хомяк и думал, лёжа на пузе и посасывая Арлекинову дылду. Изрядно опавшую, но ещё на что-то годную.

Вот в этой-то идиллической обстановке у хомячка в голове и зародилась идея. Пока ещё очень смутная, требующая конкретизации и доводки до ума.

– Слушай, тут такое дело, – сказал он, с сожалением выпуская изо рта любимый предмет. – Ты же вроде в театре играл?

В блудняке

– При Пендельшванце, – рассказывал Фингал, ставя на стол порожнюю рюмашку, – действие Глаза называли *расширением кругозора*. А Гнотрещемыльда в мемуарах писала про какую-то *осмотрительность*. Остальные – кто как, но в общем где-то как-то...

– Очень интересно, – ЛИС мягко подхватил бутылку, на дне которой лежал слипшийся розоватый комок, и долил Когтеврану. – И что же всё это значит практически?

– Ну... я что-то слышал. Но за правдивость не отвечаю, – Фингал решил поосторожничать. – Примите за сказку, Лавр Исаевич.

– Конечно-конечно, никаких претензий, – Слуцкис приглашающе поднял ушки. – Ты говори, говори.

– Ну что я думаю... Все наши правители, у кого был Третий Глаз, правили долго. И уходили мирно. Без эксцессов.

– А Мимикродон?

– Тёмная история. Вроде бы он Глаз проспорил. Или в карты проиграл, не помню точно.

– Кому проиграл? – заинтересовался ЛИС.

– Не знаю, – Когтевран щёлкнул клювом. – Кажется, какому-то полковнику...

– Барсукову, небось? Тогда понятно, – пробормотал Слуцкис. – То есть Глаз помогает удержаться у власти?

– Не то чтобы вот так, – Фингал покрутил головой – затекла шея. – Есть такое мнение, что Глаз позволяет видеть возможности. Для решения задач. Любых. Если они, конечно, правильные, эти задачи. У Линуха Токсидо Третий Глаз был, а он на дёгте сторчался.

– Фр-фр-фррр, – ЛИС издал какой-то очень лисий звук. – Выходит, вещь полезная. И всё-таки – откуда Глаз берётся? Откуда он взялся у Пендельшванца, например? Ты что-нибудь помнишь?

– Да как обычно, – Когтевран напряг память. – Где-то дней через десять после выборов мы получили автоклав. Маленький такой. В нём был Глаз.

– А в каком виде? – внезапно заинтересовался Лавр Исаевич. – Только глазное яблоко, или со зрительным нервом?

– Сам не в курсе, – признал Фингал. – Вот Роб Склифосовский с Пендельшванцем работал, он должен знать. Но вообще-то любые нервы проращиваются, это не проблема.

– Очень интересно, очень. И всё-таки – откуда он? Твои догадки?

– Братство присылает, кто ж ещё-то? – филин окончательно потерял страх.

– Ну вот и я так думаю. Значит, они решили, что мне этого не надо... – протянул ЛИС. – Но у меня другие планы. Пусть твои опоссумы готовятся. Потому что я намерен принять Глаз в самое ближайшее время. Боюсь только, он будет для меня великоват. Но это я как-нибудь переживу.

Филину понадобилось секунд пять, чтобы понять. Потом до него дошло.

– Вы хотите взять Глаз... – он не договорил.

ЛИС рассмеялся.

– Именно. Ему он не особо нужен, а мне пригодится.

– Насколько мне известно, – сказал Когтевран, – пересадить Глаз невозможно.

– А мы всё-таки попробуем, – Лис неожиданно подмигнул. – Я постараюсь заинтересовать вас в положительном результате. Способов много. Но в целом всё довольно просто. Если Глаз заработает, вы лично и ваш Институт будете как сыр в масле кататься. А если что пойдёт не так – всем вам пиздец. Уже без “как”, – добавил он в рифму.

Фингал почувствовал, что Лавр Исаевич не шутит вот ни на такусенькую малипусеньку. Скорее даже смягчает.

– Кстати об этом, – продолжал Лис, развалясь на канапе и поглаживая себя по белому шерстяному пузу. – Пока то да сё, вы, уважаемый, – он подчеркнул голосом это внезапное “вы” – будете моим гостем. Не беспокойтесь, проведёте время с комфортом. Вы даже будете руководить Институтом. Удалённо, да. Ничего страшного, привыкнетесь... В общем, готовьтесь. Подтяните специалистов, привезите сюда оборудование. А я пока займусь поисками нашего донора. Он не мог уплыть далеко. Он где-то здесь. И мы его найдём.

Слуцкис дёрнул за свисающий с потолка витой шнур. Где-то зазвенел колокольчик.

– Сейчас придут мои ребята и отведут в ваши комнаты. Они же вам будут прислуживать. Ничего, что это ёжики? Вы не беспокойтесь, они дисциплинированные. Без приказа и не пикнут.

Филин совсем опечалился. Он-то отлично знал, что ежи испытывают к филинам особые чувства. Договориться с ними было нереально.

"Завёл меня всё-таки бурбулис в блудняк" – подумал Когтевран. С полным на то основанием.

Арлекин показывает, на что способен

Маленький педрилка не сразу согласился идти на пробы. Ему было лениво.

Хомячку пришлось потрудиться, чтобы уломать своего дролечку. Уламывать пришлось долго, у хомячка даже язык устал, что с ним случалось не часто. Но в конце концов он всё-таки склонил Арле заглянуть в ДК имени Зуева. Буквально на пару минут.

Раньше маленький педрилка в этом месте не был. Сперва ему там не понравилось. Зал показался слишком большим, сцена – голой и неприветливой. У Карабаса всё было разукрашено лентами и дюралайтом, а тут была пустота, много света и два стульчика. На одном сидел какой-то лемур в парике с набелёнными щеками, на втором – режиссёр. В первых рядах партера устроилась комиссия. Актёры толпились возле прохода, ожидая своей очереди.

Режиссёра Арлекин сразу узнал. Это был тот самый старичок-аллигатор, что подсаживался к нему в “Ажитации”. Многие артисты ему были тоже знакомы – по тому же случаю. Педрилка почувствовал себя среди своих. И приободрился.

– Я рождена в водной пучине, – бубнил лемур, – мне тяжёк воздух земли... – похоже, он изображал девочку.

– Не верю! – кричал крокодил. – Ты страдаешь или что? Тебе воздух земли тяжёк или где?

– Я рождена-а в водной пучи-ине, – лемур откровенно зевнул. – Мне таяяжк воздух...

– О Дочь, какой беспомощный лепет, какая потеть, – застонал крокодил. – Пошёл отсюда, пиздоголовый. Следующий!

– А чего? Чего я? Нормально читал... – залупился претендент на роль.

– Этот юноша чужд искусству, – заявил кто-то их первого ряда голосом гордым и презрительным. – Я даже не удивлюсь, если он окажется натуралом. Гоните его в шею!

Арлекин повернулся и увидел в середине первого ряда странное малоформатное существо, напоминающее помесь долгоносика с гладиолусом. Из субтильных плечиков его рос стебелёк, на котором покачивался цветок с носиком и парой блестящих чёрных глазок. Вид у существа был чрезвычайно эстетский.

– Я. Рождена. В водной. Пучине, – снова начал лемур, на этот раз делая пафосные промежутки между словами.

– Да блядь грубятина какая-то! – завопил помреж.

Арлекину вся эта мудянка надоела.

Не особо думая о производимом впечатлении, он поднялся на сцену, подошёл к лемурёнку и с удовольствием хлестнул его по роже раскрытой ладонью. Головёнка лемурёныша мотнулась. Арле добавил вторую пощёчину, по напудренным щекам лемура покатались слёзы – крупные, натуральные, качественные слёзы.

– С-с-скобейда, – зловеще зашипел педрилка, – про водную пучину давай нормально! Выебу и высушу!

Лемурёнок растерянно оглянулся, ожидая, наверное, помощи или хотя бы сочувствия. Не дождался: все смотрели на сцену с интересом, но без осуждения.

– Я р-рождена, – начал лемурёнок дрожащим голосом, – в-в-в... в... водной пучине...

– Громче, блядь! – заорал Арлекин и отвесил неудачливому актёришке звонкий подзатыльник.

– Я рождена в водной пучине! – выкрикнул со слезами лемур. – Мне тяжёк воздух земли... – тут он разрыдался, потому что Арле больно ущипнул его за шею.

– Вот! Вот! – вскричал крокодил. – То что надо!

Слёзы у лемурёнка тут же высохли. Видимо, ему была очень нужна роль.

– Дальше читать? – спросил он совершенно нормальным голосом.

– Пока нет, – расслабленно сказал крокодил. – Это я ему, – он посмотрел на Арлекина с одобрением. – Давай-ка мы тебя попробуем...

– Если мои глаза мне не изменяют, – снова подало голос эстетское существо, – перед нами артист эмпатетического театра имени Антонена Арто. Очень, очень жаль, что сейчас он закрылся. Я был на всех представлениях. Это восхитительный опыт. Вы бы видели, как уверенно и красиво он издевался над своим напарником! Было бы весьма неразумно упускать такой кадр. Разумеется, это только моё мнение, я всего лишь скромный театрал...

На зелёной морде режиссёра тем временем сменилось несколько выражений – от недовольства до почтительной заинтересованности.

– Ну если вы так говорите... – обратился он к долгоносику-гладиолусу... – Но всё же надо посмотреть.

– Конечно-конечно, смотрите, – великодушно разрешил эстет.

Крокодил тут же устроил Арлекину пробу. Сначала он предложил ему сплясать качучу. Тот не знал, что это такое, но спрашивать не стал, а просто приспустил штаны и пару раз подпрыгнул. Режиссёр сказал, что это больше похоже на тверк, и попросил прочесть басню “Крот и гвоздь”. Пидрилка такой басни не знал – он вообще не любил сложную литературу и особенно стихов. Вместо неё прочёл единственный стишок, который помнил наизусть – “ты какой-то не такой, попу трогаешь рукой”. Крокодил почесал ноздри, цыкнул зубом и высказался в том смысле, что потенциал у Арлекина имеется. В заключение он попросил его сбросить лему-рёныша со сцены. Тот, услышав такое, сам вскочил со стула и попытался бежать. Арлекин, вспомнив свои боевые навыки, ухватил его за ухо, тормознул, а потом ловким пинком сбросил его в пустую оркестровую яму. Куда тот и провалился – с грохотом и визгом.

Старый театрал разразился аплодисментами. Видимо, он был очень уважаемым существом, так как через пару секунд хлопали все.

Это Арлекину пришлось по душе. Ещё больше ему понравилось, когда крокодил отвёл его в сторонку и спросил, что он думает о двадцати соверенах в день. Арлекин, естественно, запросил сто. После недолгого торга сошлись на сорока, причём крокодил не особо-то и упирался. Из чего педрилка сделал вывод, что проект щедро финансируется. А ему и в самом деле были нужны деньги. То, что ему оставил Карабас, маленький педрилка уже прожрал и проебал. От Ракалия он ушёл. Эстерхази не только не одарил его тремя тысячами, но и вообще содержал весьма скудно, разве что кормил и отдавался бесплатно. Сорок соверенов в день были зарплатой более чем недурной, особенно по нынешним смутным временам. Поэтому он только спросил, когда первое представление.

Режиссёр тяжело вздохнул и сказал:

– Вообще-то через семь дней. Так что придётся, гм... импровизировать.

Замечания по ходу

Про картошку, которая молчит, как ты её не истязай. Ну, это банально. Все события приготовления пищи и кулинарные приёмы произошли от пыток и казней. Например: сначала древние люди мучили других древних людей, прижигая им чувствительные места, а потом заметили, что горелое мясо приятно пахнет и попробовали его на вкус. Варка и жарка произошли от обливания кипятком и горячим маслом. Про потрошение и так понятно – чай не маленькие. Страшно даже и подумать о шпиговании. А про истинное назначение мясорубки знает всякий, читавший сочинение А. и Б. Стругацких “Трудно быть богом”.

Насчёт выплёвываемого христового тела – как ни странно, это Сергей Есенин отличился в одном стишке. Ему это, правда, не помогло.

Templi omnium hominum pacis Abbas – “настоятель храма всех людей”. Разумеется, под “людьми” здесь следует понимать Людей в истинном смысле, не связанном с грубой телесной оболочкой.

О религиозных обязанностях Базилио. Ну да, с этим у него было не всё хорошо. Если совсем уж честно, с того памятного момента на подложке кот ни разу толком не молился. То есть как: на ночь он иногда бормотал что-нибудь вроде “прости Господи, ежели чего”, а в иные моменты даже просил Бога отпустить ему грехи вольные и невольные. Но и только. Что ж касается изучения Евангелия и богословских познаний, с ними у кота был полный швах. Взять к примеру: он, конечно, знал, что Дочка-Мать истинным Богом не является и поклоняться ей не следует. Но в самом её существовании и даже могуществе не сомневался. И так же он думал об Аллахе, которого временами поминал Тораборский Король.

Почему автор решил, что огромная люстра в кабинете ЛИСа именно золочёная, а не золотая? Однако подумайте, сколько может весить огромная золотая люстра? Это весьма опасный предмет. А опасных предметов, как уже было сказано, ЛИС у себя в кабинете не держал. (Во всяком случае, на виду.)

Разговоры о желудке и балкончике. ЛИС намекает на то, что птичьи основы с трудом сдерживают естественные позывы организма и имеют привычку гадить с высоты. В общем-то, это правда, но Фингал подобного себе никогда не позволял – он следовал путём труда и гигиены. Даже несмотря на вороньи гены, которые в нём присутствуют и иногда дают о себе знать.

О противоестественных склонностях хомячков. Увы, вышеописанные девиации и в самом деле свойственны этим милым пушистым зверькам. Вот относительно пристойное описание хомячьих утех: https://pikabu.ru/story/khomyachki_3576202. И это ещё цветочки: помнится, автору этих строк рассказывали, как злобучий хомяк надругался над трупом собрата. Автор даже подумывал использовать эту историю в романе. Однако он отринул эту идею, в силу присущей ему моральной дисциплины, дискурсивной ответственности и т. п. Некрофилия – ужасающее зло, и ей не место на чистых и целомудренных страницах нашего повествования! Заметьте, даже похотливый козёл Септимий чтит понятия и избегал труположества и никогда не доёбывал тело клиента, если тот издыхал раньше времени. Да послужит это всем нам нравственным уроком!

Как подудолили Эстерхази Ларсона? Да так же, как и всех остальных. Пришли полицейские. И предложили стать инвесторами нового проекта ООО “Единая Вещательная Корпорация”. Ну или ждать разных неожиданностей, начиная с внеплановых визитов налоговиков и кончая дел по уголовке и по политике. Перепуганный хомяк быстро подудолился – и ещё был рад, что не последнее взяли.

Разумеется, жалкие соверены хомячка были лишь незначительным вкладом в проект. Основные средства были получены от “Гросс-Банка”. Председатель правления которого, слизень-трупоед Жуан Педру де Силва Феррейра, после переговоров был госпитализирован с острой формой финансовой недостаточности. Он пришёл в себя только после поглощения “Гросс-Банком” АО “Упырькредит”.

Насчёт проблемы с артистами. Профессиональных актёров хватало более чем, но для сериала они не годились.

В далёком 280-м году тогдашний губернатор Директории, падуб Чурила Плёнкович, подписал указ о создании профсоюза работников искусства и культуры. В 282 году от этой организации отделился Союз актёров, режиссёров и театроведов. После национализации театров в 282 году эта организация смогла продавить на государственном уровне постановление, согласно которому актёра нельзя уволить без разрешения главрежа театра, его директора и самой организации. Это привело к тому, что средний возраст театрального актёра в Городе на описываемый момент составил 68 лет. Это сильно уменьшило посещаемость театров: не

всем нравилось смотреть, например, Тюзовскую “Ромео и Джульетту”, где Джульетту играла очень заслуженная, но очень пожилая корова, имевшая привычку ссаться во время сцены у балкона... А в театре “Современник” (который был прозван театрами “Старпёр”) после того, как три Дездемоны подряд скончались во время сцены удушения от разных возрастных болезней, на эту роль позвали черепаху из старого помёта Тортиллы. Которая, несмотря на 102-летний возраст, с ролью справилась, хотя имела странную привычку откладывать яйца в оркестровую яму... Зрители всё это терпели, а некоторые отдельные эстеты даже говорили, что старая опытная корова сыграет юную девушку лучше, чем юная девушка.

Однако сериал был рассчитан не на столь изысканную аудиторию, а на обычный электорат и работяг. Которые старую корову в роли юной Рыбони не восприняли бы вообще.

Что касается поиска актёров в гей-среде – тут нужно учесть личные пристрастия главрежа, а также и комиссии. Впрочем, тут нужно учесть ещё и то, что не все комиссии состоят из пидарасов, но во всякой комиссии есть что-то пидаристическое. Это вытекает из самой сущности комиссии.

Насчёт мышиноного ликёрчика. Старинный дохомокостный корейский рецепт. Берётся выводок мышат. Мышата должны быть трёхдневные, ещё голенькие, чтобы шерсть не портила продукт. Весь выводок топится в рисовой водке и настаивается год. Применяется как лекарство “от всего вообще”, но есть особые ценители вкуса. Что касается ЛИСа и Когтеврана, то для этих уважаемых существ новорождённые мышки – лакомство. Тут и удивляться нечему.

По поводу Линуха Токсидо и дёгтя. Эта прискорбная история уже упоминалась во Второй Книге (см. Справка-синопсис. Политическая эволюция Директории). Тут мы её расскажем несколько подробнее.

Линух был общественно активным пингвином, любимцем технической интеллигенции. Известность он приобрёл как журналист – благодаря статьям о стрикулистах⁵ в госучреждениях. Позже организовал Фонд Борьбы со Стрикулизмом (ФобоС), чем и прославился.

Власть он получил в 283 году, на внеочередных выборах: непопулярный кандидат, выдвинутый его предшественником, зуёк Попкинс, как-то случайно сломал себе шею.

Линух был поклонником научно-технического прогресса. Он вложил немалые деньги в восстановление дохомокостных технологий, и, по слухам, добился определённых результатов. В частности, выяснилось, что древние технологии связи при определённых условиях могут работать и в тесла-среде. Однако внедрение этих технологий по ряду не вполне ясных причин оказалось проблематичным и несвоевременным.

Тогда Токсидо увлёкся идеей достичь Западного полушария, исследовать его и завести отношения с местными жителями. Каким-то образом ему удалось построить два корабля с паровыми машинами (так называемые “пароходы”), а также закупить в Лапландии и доставить в Директорию сто тонн угля. Благодаря беспрецедентным дипломатическим усилиям ему удалось получить заверения всех рыбонских флотилий о беспрепятственном пропуске кораблей через Средиземное море. Увы, оба судна были затоплены подлодками Полундры, не утруждающей себя соблюдением договорённостей, особенно в некоторых случаях.

Неудачная трансатлантическая экспедиция истощила казну, и Линух ушёл с поста, оставив после себя своего сподвижника Мулентия, который через четыре года снова передал власть Линуху. На сей раз он всерьёз озаботился экономическим развитием. Благодаря ряду простых мер – уменьшение налогового пресса, дерегулирование, обеспечение независимости суда, урезание полномочий полиции и т. п. – ему удалось добиться экономического бума. Однако через некоторое время его политика изменилась – он ввёл многочисленные регуляции, изоб-

⁵ Стрикулист – мелкий жулик, хлюст, пройдоха, проныра, выюн, штукар, также – низовой коррупционер. Ключевые слова здесь – “мелкий” и “низовой”. В отличие от крупных ловчил из административной [...] ФРАГМЕНТ ТЕКСТА УДАЛЁН ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АДМИНИСТРАЦИИ. АДМИНИСТРАЦИЯ.

рёл новые виды налогов, а также начал строительство помпезного Храма Всех Образов Дочки-Матери. Каковое строительство оказалось чрезвычайно затратным, при этом работы не продвинулись дальше закладки фундамента (при Пендельшванце работы были прекращены, а на месте фундамента был устроен искусственный пруд – большой и грязный).

Именно в этот период пингвин запил, а потом перешёл на лапландскую дегтярную настойку, которая была по шарам гораздо сильнее. В конце концов он впал в маразм. Уже в маразме упростил и усовершенствовал налоговую систему, после чего – в начале 298 года – был, наконец, отстранён от власти.

Если кто заинтересовался дегтярной настойкой, то лучшей сейчас считается лапландская “СъТерва”: даже при умеренном (но регулярном!) потреблении она плавно снижает ваш ИК на 10–15 единиц без всякого дебилдинга. Хотя её можно изготовить и самому. Берётся кристалловская водка и разбавляется поняшым шампунем-ополаскивателем для хвоста “Берёзка ароматная” (лучше всего – с экстрактом корня лопуха, это придаёт особый привкус) в отношении 70:30. Перемешать, но не взбалтывать.

Откуда Когтевран знал, что пересадить Глаз невозможно? Вообще-то он этого точно не знал. Просто ему не хотелось делать что-либо, противоречащее планам Братства, и уж тем более – делать это ради Лавра Исаевича. К Пендельшванцу он, напротив, относился хорошо, так что идея ЛИСа ему крайне не понравилась.

Про особые чувства ежей к филинам. Мыши, зайцы и суслики по отношению к совиным тоже их испытывают, но они у них окрашены скорее в мазохистские тона: их возбуждает, когда их сжимают в больших когтях. Тот же Когтевран пользовался немалой популярностью среди лаборанток, бухгалтерш и прочей мелочи. Зайчуток он тоже регулярно поёбывал. Однако с ежами такие психологические игры не проходят, о нет. До самоубийственного озлобления – как индюшки с индейками – они не опускаются. Но совам они ничего не забыли и ничего не простили.

ДК имени Зуева назван в честь первого художественного руководителя и директора театра Аркадия Константиновича Зуева-Кукуева (Райхина). При Абракадабре Мимикродоне директор, страдавший возрастной гунявостью, назвал со сцены Мимикродона “Авракадавром”, что диктатор счёл оскорбительным. Райхина отдали в ИТИ, где перешли до самой основы – из гордого альбатроса, каковым он был, его сделали позорным зём, а для пушного унижения ещё и официально сменили фамилию. После гибели диктатора Аркадий Константинович прошёл обратный ребилдинг и вновь стал альбатросом – но фамилию оставил, говоря, что она служит напоминанием о преступлениях авторитарного режима. После смерти Аркадия Константиновича театр переименовали в “ДК имени Зуева-Кукуева”. Однако же через два года после этого в худруки пробился угод Заур Кукуев, чуть было не разваливший коллектив и оставивший по себе очень недобрую память. Решением театрального коллектива фамилия “Кукуев” была удалена из названия театра.

Басня “Крот и гвоздь” принадлежит к тому же кругу произведений, что и басня “Ургант и Виторган” – и, кстати, её авторство приписывается мифическому Урганту. Посвящена она проблеме вбивания гвоздей в мошонки, интереса для современного читателя не представляет.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ. Нас тут спрашивают: а что там в самом начале упоминалось – страшное, грубое, липкое, грязное, которое будет раздавлено и всё такое? Отвечаем: это пламенные строки поэтессы Зинаиды Гиппиус, обращённые к самой гнусной, реакционной и мерзостной стране старого мира, трижды проклятой тюрьмы народов, Российской Империи, прозябавшей под гнётом ничтожного и гадкого царька николашки. Но это в частности. А вообще-то Братья относятся так же и к реальности в целом. Что отнюдь не мешает им сполна наслаждаться её маленькими радостями. Но Братья достойны большего, гораздо большего, бесконечно большего. И так будет, будет! А все остальные будут нака-а-азаны!

PS. Гиппиус дожила до многочаемой Революции, сметшей как паутину столь ненавистное ей иго царизма. Но и Революцией она осталась не вполне довольна. Oh, those Russians!

Checkpoint-3. 29 января 313 года

Дос 1.2. Лучезарная дельта сияет молча

Рукопись. Возможно, запись эфирного сеанса

Переписчик: скорее всего, розенталь

Автор: обозначен как “Угроз Световостоков” (вероятно, псевдоним)

...Будучи совершенным собранием совершеннейших существ, Братство устроено наилучшим способом из всех возможных. Однако внимание к конкретным деталям не благословляется сугубо, а то и трегубо. Потому умолчим о Явках, Паролях, Уставах, Работах, Агпах, Посвящениях, Установлениях, Высоких Отношениях и вообще обо всём, составляющем живую жизнь Братьев. Обратимся к одному лишь вопросу – а именно, к вопросу управленческому.

Вопреки домыслам профанов, Братство управляется наидемократичнейшим образом. Все братья равны, какое бы место во внешнем мире они не занимали. Братом может быть и хозяин домена, и ничтожный его слуга, и даже ездовой першерон. Но когда они встречаются на братской *агапе* или во время *работ* – они равны в достоинстве своём. Ибо братья есть везде, они пронизывают общество сверху донизу, но при всём при том соединены друг с другом подобно нитям сети. И хотя само общество представляет собой сеть, то есть систему, Братство – это система, нарисованная на системе, или – не побоимся этого слова! – надсистема. На которой нарисована другая надсистема – *товарищество*... впрочем, это уже тайны внутреннего круга, о которых профанам знать не следует вовсе. Как и о вышних Друзьях – коих почтим *минутою умолчания*.

И ещё о демократичности Братства. В лоне Братства Старшие не приказывают младшим. О нет! – это младшие должны догадываться, чего желают Старшие, и, сообразно догадливости своей, получать свои благословения и неблагословения. Так устроена сама Природа, в том же состоит и высокий принцип Эмергенции.

Более того! Чем выше вознёсся брат, тем меньше получает он прямых указаний. Вначале ему ещё сообщают намёки, потом намёки становятся всё более тонкими, а на самой вершине он обретает способность ловить руководящие мотивы буквально из воздуха, чуя фарватер Генеральной Линии сердцем.

Излучающая же Генеральную Линию Лучезарная Дельта сияет молча, и молчанием своим указывает Путь.

Но случаются порой обстоятельства непреодолимой силы, когда и сама Лучезарная Дельта вынуждена низойти до презренной земли и явить ей своё решение, единогласно-единомысленное.

В подобных обстоятельствах собираются Друзья на некое особое собрание, именуемое Полнотой Присутствия, а в просторечии – Пленумом. Выше него – только Съезд, он же Собор, о коем говорить мы не будем, дабы не смущать разумение безмозглых. Да и пользы в том нет, ибо с некоторых пор Лучезарная Дельта не созывает более Съезды, а почему – не нашего ума дело. Ограничимся тем, что нам дано.

Некоторые малопросвещённые существа полагают, что о созыве Пленума можно принять решение. О нет! Пленум *сам* себя созывает. Точнее сказать, Пленум НАЗРЕВАЕТ по мере того, как реальность отходит в своём развитии от правильного направления. Сама *тенitura* связывает нити и разрывает хитросплетения, стоящие на пути Пленума. И лишь когда у Стар-

ших Братьев *складывается мнение*, что Пленум **ВОИСТИНУ НАЗРЕЛ** – вот тогда-то и начинается организационная работа по его созыву.

Каковая происходит планомерно и поэтапно, ибо Братство никуда не торопится, но везде и во всём первенствует и главенствует. *Sapienti sat.*

Очень, очень давно

Лето, жаркое лето. Солнце стоит в ярко-синем небе. Хочется ветерка, но ветерок подымет пыль. Хочется воды, но до воды надо идти. Идти не хочется.

Скрип качелей во дворе и резиновый звон мячика, которым старшие ребята кидают о глинобитную стену. Сырой звук ударов палкой по плотной тряпке – где-то во внутреннем дворе выбивают ковры.

По пыльной улице движется черепаха с ведром воды на панцире. На заборе сидит обезьянка и дразнится, показывая язык. Кто-то из-за стены бросает в ведро камень. Ведро мелко дрожит, но не опрокидывается. Черепаха продолжает свой путь, не замедляя и не ускоряя шага.

Наш город называется Чарикар. Находился он в Нангархаре. Эти слова что-то означали – на старом языке, который никто не помнит. До Хомокоста здесь жили люди, на нём говорившие. От них самих и от их города не осталось ничего. Только название и трубы в земле. Когда воды было больше, она шла по трубам в дома. Но сейчас воды почти совсем не осталось. Подгорный Король обещал послать своих специалистов и найти воду.

Король всегда делает то, что говорит. Но не всегда торопится.

Идёт горилла с длинными руками, кутается в пёстрый платок. Он защищает от пыли. В Чарикаре очень пыльно.

С базарной площади несёт тухлым мясом. Его развешивают на железных крюках и оно так висит весь день. Вечером его кладут в холодильник, если он есть. Или жарят на электрической плите со спиралью. Днём не жарят. Всё, что горит, стоит денег. Даже кизяк с соломой. Им приходится топить зимой, когда холодно весь день. А тесла-зацепления бывают только вечером и немножечко утром. Утреннего едва хватает, чтобы вскипятить чай. Хорошо, когда есть аккумуляторы. Но они не у всех. У большинства – только кизяк с соломой.

Зато у нас аккумуляторы есть. У нас, у семейства Кроссоверо. У нас много хороших вещей. Наш дом самый красивый на всей улице. А может и во всём городе. Ведь мы тут власть. Ну, почти. Потому что власть в городе – Пульхерия Павловна. Она произрастает на главной площади и цветёт большими белыми цветами.

Мама рассказывала, что когда-то здесь рос саженец дерева Вак-Вак по имени Анчар. Сначала он был не злой и правил мудро, но потом возгордился. Он стал требовать от горожан сокровищ и поклонения. А когда лев Абу-ль-Фазл, посланный Подгорным Королём, пришёл увещевать его, он сорвал с него голову и увенчал себя ею. Но лев не стал служить Вак-Ваку, и тот убил голову Абу-ль-Фазла своим ядом. Тогда пришли существа от Короля и порубили Анчара на дрова. А на его месте посадили Пульхерию Павловну. Она умная и всегда даёт хорошие советы. Но она не может ходить и следить за порядком. Это работа семейства Кроссоверо. Так что главная, конечно, Пульхерия Павловна, но без нас она не смогла бы править.

Мой отец – Электрический Кот, его зовут Валентино Родольфо Кроссоверо. Он очень сильный. Он может посылать из глаз лучи, которые всё сжигают и разрезают. Он видит сквозь стены. Он может идти по дороге долго-долго без еды и даже без воды. И ещё он всегда находит то, что ищет. Поэтому его называют персекьютор, преследователь. Это свойство записано в глобальной переменной нашей основы. Я пока не знаю, что это такое – глобальная переменная. Но когда-нибудь я попаду в Тора-Бору, и там меня научат и изменят, как отца. А чтобы туда попасть, нужно ходить в школу, много тренироваться и верить в Господа нашего Иисуса Христа. И вот тогда...

– Ма-а-аша! – громко кричит кто-то из-за стены. – Ма-а-а-ашенька!

Извините, если не вовремя

Базилио дёрнулся всем телом и проснулся.

Он лежал в ложбинке меж корней огромной липы, застеленной свежими ветками. С трудом припомнилось, как он давеча настриг их лазером, удачно запитавшись от маленькой “электри”.

Ему было жарко. Ложась спать, он выставил слишком высокую внутреннюю температуру – и перегрелся.

Он выключил батареи. Полежал немного, остывая, прислушиваясь к шорохам ночи. Потом осторожно встал, чувствуя подушечками ног земляной холод, и сделал несколько шагов.

Было темно. Жёлтая зимняя заря потихоньку разгоралась – но где-то далеко, откуда долетали только отдельные отсветы. Воздух казался каким-то пухлым, как бы набитым влагой.

Робко свистнула какая-то птица. Никто ей не ответил, и она обиженно замолчала.

Алиса, тихо спящая в той же ложбинке, задёргалась, заметалась во сне. Базилио кинулся к ней.

– Холодно... – простонала лиса сквозь зубы.

Кот, недолго думая, лёг на лису сверху, накрыл собой, подняв температуру тела до сорока двух градусов.

Через пару минут у него закружилась голова от перегрева. Зато Алиса успокоилась, засопела сонно и уютно. Базилио осторожно понизил градус до обычных тридцати восьми и устроился поудобнее. Осторожно потрогал торчащий лисий нос. Тот показался очень холодным. Тогда он осторожно подышал ей в ноздри. Лиса тихонечко фыркнула во сне и чуть приоткрыла рот. Обнажилась алая полоска десны и мелкие жемчужинки зубов.

“Я лежу на лисе” – эта мысль проплыла у Базилио в голове, как длинная водоросль, оторвавшаяся от речного дна и подхваченная потоком мыслей. “Я ей в носик дышу” – всплыло рядом. Кот понял, что у него – впервые в жизни – получается стихотворение, и задумался над третьей строчкой. Но больше ничего не выплывало, а подбирать слова механически он не умел. Тогда он сосредоточился на рифме, надеясь приставить остальное потом. Рифма не шла: промелькнуло что-то о колесе, карасе, колбасе, косе, красе, овсе – и даже какое-то *per se* попыталось влезть в строку... В конце концов он остановился на “я такой же как все”. Слова были чужие, но стихи кот сочинял для себя, так что он решил, что это неважно. Потом в конце четвёртой строки, пока ещё холодной и пустой, замерцало “прошу”. Подумав, получил – “я о чём-то прошу”.

Баз тяжело вздохнул. Ну конечно же, он понимал, о чём просит. И даже слишком хорошо.

“Всё, хватит лирики, пора вставать” – решил он. И даже попытался. Но оторваться от тела лисы оказалось непросто. Оно было как мёдом намазано, и этот мёд лип к нему, лип и тянул, тянул.

До сих пор Базилио со своими желаниями справлялся. Но то, что происходило здесь, в этом зимнем лесу, было сильнее любого желания. Он чувствовал, будто стоит возле двери дома, *своего* дома, который построен для него, – и топчется у порога.

Странное чувство владело им. Сейчас он совсем не боялся заразиться от Алисы: он об этом даже не думал. Но он боялся её разбудить.

– Кхы-кхы! – раздалось из-за дерева.

Базилио вскочил, развернулся, срывая с носа очки – готовый разить.

– Извините, если не вовремя, – продолжил невидимый собеседник. Голос у него был стариковский, скрипливый. – Я тут мимо проходил. Не помешал?

Больше всего на свете коту хотелось проорать что-то вроде – “да, блядь! ты мне помешал, джигурда старопёржая, и лучше бы тебе сдохнуть прямо сейчас, скобейда, пока я тебе уши не

поджарил”. А потом привести угрозу в исполнение. Но рядом спала Алиса. Базилио подозревал, что она не обрадуется, если он начнёт кого-то увечить ни за что ни про что.

Поэтому он просто буркнул – “не помешал”.

– Ну и хорошо, – из-за дерева показалось странное существо небольшого росточку, покрытое седой нечистой шерстью. Лицо его напоминало ежиное. – А я Тихон. Бывший сталкер. Теперь здесь живу. Какая у вас подружка симпатичная.

Странно, но этот бесхитростный комплимент коту понравился. Желание убить незнакомца прямо сейчас ослабело, осталось обычное “да хрен бы с ним, пусть живёт”.

Алиса тем временем проснулась, поднялась, села, протёрла глаза. И с недоумением уставилась на шерстистого Тихона.

– Ой, – сказала она. – Вы же вымерли?

– А вот не совсем, – самодовольно заявил волосатый. – Разбираетесь, значит?

– Я биолог, – сказала лиса. – Алиса Зюсс.

– Биология это хорошо-о, – Тихон зевнул, деликатно прикрыв пасть ладонью размером со сковородку. – Вы же не местные? Я вас здесь раньше не видел.

– Не местные, – подтвердил кот, выставив микрофоны на полную – не окружают ли их какие-нибудь местные товарищи.

– Вот и хорошо, – обрадовался Тихон. – Тут, кроме упырей, никого и нет. Так они мне надоели, упыряки... А вы издалека?

– С Поля Чудес, – сказала лиса.

– Да неужто? – волосатое существо подалось вперёд. – Вот прям оттуда?

– Вам чего надо? – невежливо перебил кот.

Волосатый тут же смутился.

– Да, в общем-то, ничего... Живу я здесь. А не желаете ли со мной чайку попить? Заодно и поговорим. У меня медок домашний имеется, – посулил он.

Кот и лиса переглянулись. Лиса закивала головой.

– Ну ладно, – не стал спорить кот. Про себя гадая, что же это за чучело такое заявилось.

Творческие будни

– Пожалуйста, уйдите, – попросила Рыбоня, жалко свесив картонные жабры. – Мне нужно побыть одной.

– Расскажи, не бойся, – поощрила его простипома с намалёванными плавниками. – Мы же твои подруги!

– Расскажи, Рыбоня, расскажи, детка, – наседала толстая макрель, мерцающая чешуёй из фольги. – Если ты не расскажешь, я пойду в гостиную и не знаю что сделаю с этим подлецом Аморалесом!

Арлекин смотрел на всё это из-за занавески и морщился. С его точки зрения, эпизод был скучным. Правда, ему нравилась Рыбоня. Давешнего лемурчика прогнали, на его место взяли смазливую павианчика. Но Арлекину его распробовать запретили, чтобы добиться от него достоверной игры со страстью. К тому же именно сейчас – в парике, с наклеенными рыбьими причиндалами – обезьяныш выглядел как самая настоящая девочка, отбивая тем самым у маленького педрилки всякую охоту. А уж две толстые пупицы, изображающие водных жительниц, отвратили бы и самого завязатого натурала, до того они были хабалисты и гадки.

– Аморалес! Твой выход! – заорал помреж. Он принципиально называл актёров только по именам их героев.

Маленький пидрилка оправил курточку и вышел из-за кулис, сурово глядя на пупиц. Те сделали вид, что им страшно.

– Выйдите обе! – скомандовал он. – Я слышал, что ты сказала, – он вперил суровый взор в толстуху, которая только что назвала Аморалеса подлецом. – Но это неважно, – добавил он таким тоном, чтобы сразу стало ясно – ничего хорошего толстуху не ждёт. – А теперь пошли вон! Мне нужно поговорить с Рыбоней наедине!

Фальшивая макрель возмущённо сдригнула. Вслед за ней покинула сцену и ложная простипома.

Арлекин знал, что сейчас пупицы пойдут в театральный буфет, возьмут по кофе с пироженкой и примутся сплетничать. Скорее всего – насчёт его, Арлекина, зарплаты.

В самый неподходящий момент

До жилища странного существа было минут пятнадцать ходу. Баз мог и быстрее, но Алиса быстрее не могла. Тихон тоже не особо торопился.

Всю дорогу лиса оживлённо болтала со странным волосатиком. Кот молчал, потому что разговор у них шёл о биологии. Сперва обсуждали наследование признаков, потом заговорили о числе хромосом у грызунов. Базу всё это было непонятно и чуждо. Он пару раз попытался вставить реплику, но безуспешно. Алиса была увлечена беседой и его не замечала. Как будто его и не было.

Ну конечно же, Баз всё понимал! Лисе было скучно, а тут ей попался свежий собеседник. С которым ей было так интересно разговаривать про наследование признаков и прочие недоступные его уму вопросы. С Базилио она, небось, никогда столько не разговаривала! И с таким живым интересом! Ну конечно, о чём говорить с простым Электрическим Котом, который всего-то пару раз спас ей жизнь... какие пустяки, когда рядом такой замечательный волосатый чудила с подвешенным языком! Который, блядь, прищандыбал так вовремя, так кстати!

Всё это было совершеннейшей неправдой. Алиса Базом не пренебрегала. А волосатый чудила своим появлением спас кота от непоправимой ошибки, которую он чуть не совершил. Но кот не чувствовал благодарности, нет. Он плёлся за лисой – сердитый, надутый. В душе его вызревала большая обида. Она, как магнит, притягивала к себе мелкие забытые моменты, случайные эпизоды, непонятки и шероховатости. Вроде бы давно забытые, они замелькали в памяти. Базилио вспомнил все случаи, когда Алиса обращалась с ним неуважительно, хитрила, что-то утаивала. Особенно – её крайне странное исчезновение с Поля Чудес и возвращение в компании доберманш. Ну да, Поле было местом волшебным и фантастическим, на это можно списать многое – но вот поведение лисы до исчезновения... как она ему тогда сказала? “Мне нужно побыть одной. Пожалуйста, не ходи за мной как хвостик.” А потом – “оставь меня в покое, мне очень надо”. И что же это ей было надо?

Вообще-то кот рассчитывал, что по той истории лиса сама даст какие-то объяснения. И великодушно предоставил ей время. Она же объясняться не торопилась. У неё были от кота какие-то тайны. А вот от этого волосатого у неё тайны есть?

Какой-то частью своего ума Базилио понимал, что всё это чепуха и он сам себя накручивает. С другой стороны, у него действительно накопились вопросы. Не то чтобы серьёзные, но заслуживающие проговаривания. Которые влюблённый кот до поры до времени игнорировал. Забыв о том, что непроговоренное и оставленное на потом обычно вылезит в самый неподходящий момент.

Когда они, наконец, дошли до места, Баз был уже на взводе.

Мундир, я вас спрашиваю!

Съёмки – это называлось так – шли в ДК имени Зуева. Кресла в партере демонтировали, а каждый свободный сантиметр забили сложным оборудованием. Одних только жаб крупного плана было аж четыре штуки, и это не считая широкоугольных улиток и саранчи. Оставшиеся два передних ряда занимал технический персонал. Который постоянно гоношился, орал, чего-то требовал. Арлекину иногда казалось, что актёры тут всем только мешают.

Режиссёр вдохновенно взмахнул белым платочком. В ухе Арлекина щекотно зашевелился червячок-суфлёр.

– После того, что произошло сегодня, – начал Арлекин, стараясь вообразить Рыбоню голеньким, чтобы добавить на лицо эротизма, – произошедшее полностью меня изменило... Ты поняла, что я сделал, Рыбоня? Я отказался от пяти тысяч соверенов за тебя. За пятьдесят соверенов можно купить самку на любой вкус. Я отказался от пяти тысяч! Надеюсь, этот жест поможет тебе понять то, что я сам только что понял...

"Какая же это ёбаная хуйня" – думал тем временем Арлекин. Сейчас за пять тысяч можно было купить эргастул со всем его содержимым, и все это отлично знали. Однако режиссёр настоял именно на этой цифре. "Самкам нравится, когда за них много денег дают" – объяснил он.

На самом деле Арле мог говорить что угодно, хоть просто "бла-бла-бла". От него требовалось только шлёпать губами и смотреть на Рыбоню как на материальную ценность. Звук монтировали отдельно, в концертном зале на втором этаже. Он туда разок зашёл. И узнал, что его самого озвучивает какой-то боярышник. Правда, у боярышника был красивый баритон. Но всё равно было в этом что-то извращённое.

– Скобейда! Жабу разверни, упыряка криворукий! – раздалось из партера.

– Та пийшов ты в ятло! – проорали в ответ. – Свит хто ставити буде? Тарас Шывченка?

– Я отношусь к вам с глубочайшим уважением, – тем временем тянула своё Рыбоня, – но я не вольна распоряжаться своим сердцем, а моё сердце уже занято другим чувством...

И тут режиссёр внезапно вскочил и мощным ударом хвоста разбил под собой стул.

– Скобейда!!! – заорал он, хватаясь за голову. – Дочь твою Мать через три пизды в зелёный сарафанчик!

– Э? – не понял Арлекин.

Крокодил сел на пол и тяжело задышал.

– Так, – сказал он, немного придя в себя. – Арлекин, ты кого играешь?

– Полковника Аморалеса, – сказал педрилка.

– Вот именно. Полковника. А если ты полковник... – крокодил разинул пасть и заорал, – где твой мундир?! Мундир, я вас спрашиваю?!!

– Так вы же мне не дали, – не понял Арлекин.

– А сам не видишь, что ли? Ты в какой-то хипстерской курточке разгуливаешь как поц! Какой ты в этой курточке генерал?!

– Моё дело роль читать! – обозлился пидрилка. – А режиссёрское видение – это не моя компетенция!

– Ах ты ж ёбанный ты нахуй, – простонал крокодил. – И какой чёрт занёс меня на эту галеру!

– Чо-чо? – Арлекин посмотрел на режиссёра с недоумением...

– Какого хуя я во всё это впрягся? – перевёл крокодил свою жалобу на общедоступный язык.

Рыбоня без ауры

У крокодила и в самом деле имелся повод для недовольства. Прежде всего – собой. Ибо он и в самом деле впрягся в дело почти безнадежное.

Двадцать четвёртого января, с утрачка, он вышел на улицу, чтобы купить утреннюю газету. Тут его арестовали и привезли в полицию. Где, вместо пиздюлей, его внезапно угостили кофе с ликёром. И спросили, за какое время он может поставить пьесу. Точнее, десять пьес минут на сорок каждая, связанных общим сюжетом. С заделом на продолжение.

Крокодил вздохнул и сообщил, что, согласно минкультовского приказа номер 602 “Об утверждении типовых отраслевых норм труда на работы, выполняемые в организациях исполнительских искусств”, на подготовку к премьере выделяется пятнадцать читок-репетиций. Хотя, конечно, репетиций нужно не меньше двадцати, чтобы труппа сработалась и дала приемлемый результат. Ему же, ввиду новизны и сложности задачи, понадобится репетиций тридцать, что при разумной загрузке артистов означает – три месяца. Это, конечно, если нужна ремесленная поделка. Если же говорить о высоком искусстве...

Но ему не дали поговорить о высоком искусстве. Сначала сидящий напротив него огромный пёс гавкнул так, что свет погас. Крокодил, по собственному своему признанию, не обосрался только потому, что нечем было: он сидел на лечебной диете.

Когда свет всё-таки включился, слово взял мелкий, но чрезвычайно самоуверенный кролик. Он сообщил, что вопрос о сроках давно решён. Ни о каких трёх месяцах не может быть и речи. О месяце тоже. Продукт нужен вчера, в крайнем случае сегодня. В самом-самом крайнем случае у труппы есть пять дней на всё про всё, начиная со сценарной работы и кончая репетициями, после чего начинаются съёмки. Если же кто-то не может работать в таком темпе, этот кто-то идёт в жопу. А заказчики пойдут в “Современник” или в ТЮЗ, где и наймут нормального постановщика. Который даёт продукт, а не гонит хуйню.

Крокодил был безумно возмущён таким подходом и хотел немедленно отказаться. Но упоминание театра “Современник”, который режиссёр презирал за бездуховность и ремесленнический подход, изменило ситуацию. Когда же была озвучен приблизительный бюджет проекта, он заинтересовался уже всерьёз. И в конце концов решил – была не была! – тряхнуть стариной. Сроку он просил десять дней, после долгих препирательств сошлись на семи. Зато смету подписали быстро и без сокращений. А также пообещали решать любые проблемы творческого коллектива по первому же сигналу. В заключение мохнатый полицейский лично вручил крокодилу банку с айсом – для стимуляции творческих способностей.

Так что теперь, решил режиссёр, все будут дневать и ночевать здесь.

Артистам показали, где гримёрки, дали помыться и вручили по пачке листов формата А4, содержащие сценарий. Каковой должен был быть ими изучен, осознан и понят до завтрашнего утра.

Через полчаса Арлекин лежал на узкой кровати – ему постелили в каком-то чуланчике – и читал. Ежеминутно дочерясь, а иногда и плюя на пол.

Сериал назывался “Рыбоня без ауры”. Начиналось там всё с того, что у скромной нототении с Хохзеефлота родилась девочка хомосапого вида. Чтобы избежать обвинений в сухопутности, мать продала дочку на сушу, в банду стервятников. Тут у девочки открылась редчайшее свойство – полное отсутствие ауры. В связи с чем стервятники стали её использовать для квартирных краж. Однажды Рыбоня – так прозвали маленькую воровку – залезла в храм Дочки-Матери, чтобы украсть святую икону “Дашенькина щёлочка”, выложенную перламутром и лазуритом. Там она столкнулась с молодым педобиром Хулием Мазуриком и в него влюбилась. Хулий тоже полюбил её, но служение Дочке-Матери ставил выше земного чувства. Покуда он разрывался между Дочкой и Рыбоней, на последнюю положил глаз полковник

Аморалес, свирепый и безжалостный рыбовладелец. Этот коварный негодяй делал вид, что любит её, а на самом деле собирался использовать девицу для похищения тайных сокровищ Полундры...

На этом Арлекин сломался. Отложив в сторону листочки, он думал минут десять, откуда сценаристы понатащили всей этой хуиты.

Особенно удивляло введение темы рыбонов. Он-то помнил, что ещё совсем недавно употребление слова “рыбон” не благословлялось. Неверный педобир в качестве положительного героя тоже выглядел странно. Непонятно было всё и с Аморалесом. Арле перечитал текст трижды, но так и не понял, какой же именно армии он полковник. Впечатление было такое, что авторы сценария об это просто не думали... От всех этих трудных загадок клонило в сон.

Он так и заснул с пачкой листов в руке – затраханый, но не потрепанный.

Наутро – а разбудили всех рано – была первая репетиция. От Арлекина ничего особо не потребовалось, даже знание текста: ему запустили в ухо мелкого червячка-суфлёра. Впрочем, там и текста-то было с гулькин хрен: Арлекин должен был сидеть в высоком кресле и стегать по щекам хворостиною старую гусыню, пришедшую просить за единственного сыночка-педобира, которого злой полковник хотел отправить на фронт. Это всё было, разумеется, бредятиной, причём во всех решительных отношениях – начиная хотя бы с того, что никакого педобира гусыня снести не могла даже теоретически. Тем не менее, Арлекин справился, хворостиной помахал, а потом ещё и обоссал просительницу в порыве вдохновенья. Режиссёр, правда, обоссывание не утвердил, редуцировав его до плевок в клюв. Но для начала всё получилось очень даже недурственно.

У остальных дела тоже шли ни шатко ни валко. Конечно, большинство набранных артистов не играло, а хомячило, но каких-то серьёзных проёбов тоже не наблюдалось.

А вот с реквизитом регулярно возникали проблемы. Причём о том, что он вообще нужен, вспоминали иногда посреди репетиции – как это вот только что случилось с этим грёбаным мундиром.

У тихона

Базилио ожидал (а если честно – надеялся), что Тихон обитает в какой-нибудь грязной норе. Но бывший сталкер привёл их к небольшому аккуратному домику. Он висел метрах в трёх над землёй, принайтованный к стволам огромных пиний просмоленным канатом. Наверх вела деревянная лестница с жиденькими перильцами.

Вся эта конструкция показалась коту сомнительной и даже халтурной, о чём он не промолчал. Лиса смутилась, занеудобилась. Но Тихон ничуть не обиделся. Просто сказал, что домик хоть и выглядит не ахти, зато пережил пять Выбросов.

Лиса посмотрела на волосатого уважительно, даже с восхищением. Кот это заметил – и его аж перекосило от злости.

В домике оказалось тесновато, но уютно. Небольшие окошки давали достаточно света. Дощатые стены были покрыты светлым лаком. В красном углу, перед образом Дочки-Матери В Стрингах, теплилась лампадка. В углу противоположном стояла керамическая печурка – такие кот видел у себя на родине в молодые годы. От неё шло тепло, но дымом не пахло. Базилио посмотрел в инфракрасном свете, потом в микроволнах. И понял, что внутри печурки лежит “ведьмина коса”.

У глухой стены стоял невысокий поставец, у окна – немалых размеров сундук, служащий, судя по тюфяку сверху, ещё и спальным местом. Кот из любопытства попробовал посмотреть в рентгене, что там внутри. Но увидел только глухое тёмное пятно. Похоже, изнутри сундук был покрыт металлом.

Середину комнаты занимал стол. Без скатерти – зато начисто выскобленный.

– Прошу вас, располагайтесь, – бормотал волосатый, вытаскивая из-под стола табуреты. Лисе он достал повыше и поновее, коту – тоже крепкий, но уже серый от времени. Базилио на месте хозяина поступил бы так же. Но сейчас он воспринял это как очередное проявление неуважения.

Тем временем Тихон, даже не подозревая о котовых переживаниях, торжественно достал вазочку с густым тёмным мёдом и расписные чашки. Нашёлся и заварной чайник, фарфоровый, с розой на боку. Другой чайник, с водой, был водружён на печь. Осторожно отворив дверцу, Тихон пошевелил хворостинкой “ведьмину косу”. Та моментально раскалилась и зафонтировала электричеством. Хозяин ловко захлопнул дверцу прежде, чем искры посыпались на пол.

– Вот сейчас жар-то пойдёт и будет у нас кипяточек, – пообещал Тихон. – Вы медок-то кушайте. Ну и это, того... полялякаем? Я тут один живу, как сыч. Чего на свете белом делается – не ведаю.

Кот посмотрел на мёд, который он не ел в принципе. И решил, что за такое угощение кое-кто сейчас заплатится.

– Медок, значит, – сказал он голосом, не обещавшим ничего хорошего. – Полялякаем, значит.

До лисы, наконец, дошло, что с Базом что-то не так. Она посмотрела на него с недоумением и испугом. Коту же её гримаска показалась презрительной. Шерсть на загривке у него встала дыбом.

Тихон внимательно посмотрел на гостей и неодобрительно покачал головой.

– Пожалуйста, не ссорьтесь, – попросил он негромко и серьёзно.

Лиса хотела сказать, что они и не ссорились. Потом снова взглянула на своего спутника, и поняла, что они именно ссорятся, причём кот считает её в чём-то виноватой. У него это было на морде написано.

Никакой вины лиса за собой не чувствовала – по крайней мере, в данный момент. Она почувствовала себя оскорблённой. Фыркнув, Алиса задрала нос и от kota отвернулась.

– Не надо этого, – тем же тоном сказал Тихон. – А то у вас будет как у нас.

– Как с кем? – кот посмотрел на Тихона в упор.

– Ну, как с нами. Я ж вуглускр, – бывший сталкер опустил глаза.

– Вуглускр? – Базилио так удивился, что на мгновение забыл о своей обиде. – Вы же вымерли!

– Ну в общем да, вымерли, – Тихон развёл руками. – Я последний остался. Так я про то и рассказывал... ну, когда сюда шли... Я думал, вы слушаете.

Кот тут же вспомнил своё унижение.

– Извините, не биолог! – рявкнул он, вставая. – Я в ваших генах не понимаю! У меня образование специфическое! – его несло, он не мог остановиться. – Могу конкретнее! Медку, блядь, кому-нибудь пустить по всей морде...

Возмущённая до глубины души Алиса тоже вскочила и уже открыла рот, чтобы высказать коту всё, что думает. Что он ведёт себя безобразно, что он позорит её перед хозяином дома, что...

Но в этот самый миг – не иначе как высшие силы вмешались! – перед ней промелькнуло нечто вроде видения.

Отсечение +44. Доля 00812. Очень близкое будущее

...Перед Алисой синем пламенем горела и шипела “электра”. По бокам зелёным светом сиял “ведьмин студень”. Прохода не было.

Если бы у неё был дублон, она попыталась бы отправить в “электру” своего дубля в качестве отмычки. Но монетку она швырнула в лицо Базилио, когда они в последний раз выясняли отношения.

Идти обратно не было сил.

Она осторожно села на горячую землю. Посмотрела по сторонам – не видно ли кого. В смысле, кота – теперь она даже мысленно называла его “он”.

Кота не было видно – по крайней мере, вблизи. Алиса знала, что он где-то рядом. Охраняет. Её это невероятно бесило. Она же ему всё сказала. А он ей ответил такое... она вспомнила его лицо, его слова – и, наконец, разрыдалась.

Главное – она никак не могла понять, как это всё получилось. Ещё вчера они с котом были почти что одним целым. А теперь они враги. Любящие друг друга, но враги. И главное, из-за чего?

"Но я же права" – думала Алиса. "Я права, а он виноват. Пусть просит прощения. Я его прощу, но пусть он попросит."

При этом она чувствовала, что Базилио – который был где-то рядом – думает о себе то же самое. Что это он прав, а она виновата. И что если она к нему придёт, он её, конечно, простит. Если она попросит.

Но ведь это неправильно. Это она должна его прощать. И пока он с этим не согласится, она с ним общаться не будет...

– Дуррра! – раздалось откуда-то сверху. Лиса подняла голову и увидела креакла. Он висел в воздухе вниз головой, как на ниточке подвешенный. Видимо, он угодил в воздушную “аскольдову могилу”. Выбраться он из неё не мог. Но это не мешало ему каркать.

Алиса зажала руками уши, чтобы не слышать гадкую тварь. Но всё равно услышала —

– Ррразряд! Ррразряд! Каррр...

Тут откуда-то издалека прилетел зелёный лучик, и креакл заткнулся.

Лиса подумала немного, услышала она слово “карусель” или всё-таки нет. Решила, что всё-таки нет.

– Ничего, как-нибудь, – пробормотала она, заставляя себя встать.

В этот момент ворочающаяся на своём горячем ложе “электра” выбросила длинный невидимый отросток и дотянулась до ноги Алисы. Электроны, злые, как голодные блохи, прыгнули на неё, укусили за пальчики.

Алиса закричала, отпрыгнула назад. Поскользнулась. И шлёпнулась прямо в пузырящийся “ведьмин студень”...

Текущая реальность. С любовью и нежностью

– Баз! Нет! – закричала Алиса, опрокидывая табурет и бросаясь к Базилио.

.....

– Вот так-то лучше, – удовлетворённо сказал Тихон, разливая густой тёмный чай, пахнущий травами.

– Й-извините, – сконфуженно сказала лиса, не опуская рук, обвитых вокруг котовой шеи.

– Простите, – буркнул Баз, осторожно глядя Алису по спинке. – Нашло на меня что-то.

– Да нешто я не понимаю, – вуглускр тяжело вздохнул. – Вы это... осторожнее всё-таки.

Кот и лиса осторожно разомкнули объятия, не отрывая взглядов друг от друга.

Глаза лисы искрились, как драгоценные камни. У кота глаз не было, но это не мешало ему смотреть на Алису с любовью и нежностью.

– Хорошая вы пара, только неопытная, – Тихон шумно, по-стариковски вздохнул. – А с мёдом что не так? Не любите?

– Я сладости не чувствую, – объяснил кот. – И глюкоза с сахаром мне не полезны, я АТФ сам синтезирую. А вот чай – пожалуйста. Он из чего?

– Свою смесь готовлю, – Тихон довольно улыбнулся в бороду. – Основа – кипрей, кладу ещё шиповник, крапиву, моркву сушёную добавляю, а ещё мяту и зверобой. Кардамон молотый тоже хорошо, да сейчас нету...

– Й-извините, – осторожно вошла в разговор лиса, – а кориандр вы не завариваете? У нас в лаборатории сотрудница делала...

– Из кинзы-то? А как же! Хотите?

– Нет, я так... Этот тоже очень хороший.

– Кипяточку подлить? Или свеженького? – предложил Тихон.

– Свеженького, – решил кот. Чай ему взаправду понравился.

– Мёд чудесный, – сказала лиса, облизывая ложку длинным розовым языком. – А что, на Зоне пчёлы разве водятся?

– Да какие пчёлы, Дочь с вами, – благодушно ответил волосатый. – Это глюкозники. Червячки такие. Их стригут и мёд из шерсти варят.

– Помню, я по ним курсовую писала, – оживилась лиса. – Нам задали сконструировать фрагмент гена, который отвечал бы за выработку эль-глюкозы, это энантиомер де-глюкозы, а вообще там шестнадцать стереоизомеров...

Кот громко кашлянул. Лиса прижала ушки и посмотрела на него виновато.

– Й-извини, – сказала она, – я опять...

Кот, конечно, лису уже давно простил. Но ему внезапно захотелось её уесть. Он напрягся, вспоминая, чему его учили на теории ближнего боя.

– Сколько волокон иннервируют мотонейроны трицепса? – спросил он, ехидно улыбаясь. Лиса задумалась.

– Ой, так я не скажу, – призналась она. – Это смотря чей трицепс... Волокон двести, наверное, – предположила она.

– У меня – тридцать, – сообщил кот с гордостью.

– Знаю, – сказала Алиса. – Я же твоей моделью занималась. Только у тебя это не настоящие мотонейроны, а кибридные аналоги. Мы так и не разобрались, как это работает, – грустно признала она.

Кот почувствовал себя отмищённым. Не то чтобы совсем, но в какой-то мере. И великодушно сменил тему.

– А всё-таки, – спросил он Тихона, – как же это вы не вымерли?

– Долгая история, – вздохнул вуглускр. – Тут с самого начала нужно. А то про нас всякие глупости говорят... Вот скажите – почему вуглускры вымерли, по вашему просвещённому мнению? Вы не смущайтесь, говорите как сами знаете.

Кот пожал плечами. Позорную историю вуглускров знали все.

– Ну как. Вы своими самками брезговали и любили мышей. От мышей у вас потомства не было, потому что число хромосом разное. Ну и всё.

– Вот-вот, так и говорят. Что это мы, самцы, своих женщин забросили. А вообще-то всё наоборот было.

Лиса подняла ушки. Кот тоже заинтересовался и попросил подробностей.

– Видите ли какое дело... – начал Тихон. – Мы, вуглускры, жили тихо, никого не обижали. Но однажды...

Факин шит!

– Этот последний был, – огорчённо сказала жаботка-гардеробщица, принимая обратно китель.

Арлекин злобно уставился на огромный театральный гардероб, где висело с полусотню разных мундиров, шинелей, форменок на все основы. Ничего из этого ему не подошло. Брюки были ещё туда-сюда, а вот с верхней частью случился полный афронт. Всё, что было хомосапого в театральных запасниках, сидело на педрилке как на корове седло: то рукава короткие, то плечи широки, то по спине шла складка шириной с ладонь. С отчаяния он даже примерял старинный капральский казакин для рептилий. Как ни странно, он-то как раз сел по фигуре, вот только на мундир полковника Аморалеса эта штука не походила ни в коей мере.

– Больше у нас ничего нету, – вздохнула жаботка.

– Как это нету? И что вы нам делать прикажете? – крокодил клацнул пастью.

– Не знаю. Наверное, шить, – жаботка совершенно не впечатлилась гневом интеллигента.

– Шшшит? – прошипел режиссёр, то ли по-русски, то ли по-английски. – Факин шит! – уточнил он.

– За три дня управимся, – заявил театральный портной, долгоносик по основе. – При условии оплаты сверхурочных.

– Какие три дня?! – взвился крокодил. – У нас есть три часа!

– За три часа, – обиженно сказал долгоносик, – я могу снять с этого существа мерку. И рассмотреть общую концепцию...

Режиссёр молча и страшно вцепился зубами в занавеску.

Я вообще-то как бы с Тора-Боры

Грустная история, которую поведал Тихон, была такова.

Когда-то вуглускры считались преуспевающей основой, высококультурной, не склонной к насилию, зато очень симпатичной. На скептические взгляды гостей Тихон отвечал, что он уже старик, к тому же страдающий всякими стариковскими хворями. А в молодости он был не серым и волосатым, но белым и пушистым. Самки вуглускров тоже были всеми любимы – гладкобокие, любвеобильные, с врождённым талантом делать минет и выпекать сдобу. Единственным их недостатком – долго принимаемым за достоинство – была чрезмерная доверчивость. Что их и погубило, когда появилась некая пророчица, именем Сулико Добсон. Кто она была по основе, непонятно, откуда взялась – тоже. Зато у неё был дар вызывать к себе доверие. Начинала она как базарная воровка, потом стала фокусницей. Покрутившись там и сям, она нашла себе подходящую жертву – милых и доверчивых вуглускриц. Среди которых начала проповедовать своё учение. Состояло оно в том, что все самцы прокляты Дочкой-Матерью, которая сама самка и любит только самок, а самцов ненавидит за какие-то их преступления. Что это за преступления, Сулико говорила только уверовавшим – и почему-то на английском. Например, молитвенное созерцание икон Дочки-Матери эта самая Лиза называла “лукизмом”. Ещё был какой-то “абьюз”, “менсплейнинг” и разные всякие другие слова. Так или иначе, пророчица подучила самок вуглускров ненавидеть самцов, в особенности своей основы, с ними не спариваться, ну и всячески их третировать и презирать. А служить только ей одной, кормить её и за ней ухаживать, ну и вылизывать всякие места. Самки вуглускров в это уверовали, бросили своих мужей и детей и поселились вместе с пророчицей, чтобы её охранять, обслуживать и удовлетворять.

В конце концов Сулико умерла от ожирения, но учение её осталось. Так что у самцов не было другого выхода, кроме как жить с самками другой основы. Как правило, это были мыши: вуглускры им нравились, а учение пророчицы Добсон – нет. Увы, потомство от вуглускров они не могли при всём желании: не позволяли хромосомные наборы. У мышей было по сорок хромосом, а у вуглускров – по сто семьдесят четыре.

– Вот и вымерли, – закончил Тихон свою печальную историю. – А теперь нас же и срамят – дескать, это мы наших самочек бросили ради мышей. Ну неправда это!

– Й-извините, – лиса сделала вежливое лицо, – но всё-таки... Вы-то как на свет появились?

– Случайно, – признал Тихон. – Бабка моя глухая была от рождения. И это... глуповата, чего уж там. Так что учение это проклятое она слушать не могла, а что до неё доходило – того не понимала. Поэтому честно прожила с моим дедом и родила от него. Папу моего и маму. Когда они выросли, остальные вуглускры уже старенькие были. В общем, решили они скреститься и возродить наш род. Мама родами умерла, – грустно закончил он.

– Н-да, – только и сказал Базилио. – Жаль, конечно... – тут Баз вдруг почувствовал, что ему ужасно хочется задать старику один вопрос. На которой тот наверняка обидится. Но задать его всё-таки хотелось.

– Вы меня извините... – начал он, но Тихон его прервал.

– Про мышей, небось? Как у меня с мышами? Да никак! Видеть их не могу! И слышать про них тоже! Я вот из-за этого из сталкеров ушёл. Вроде и нормальные ребята, а как выпьют, так и начинается – эй, вуглускр, а ты до мышей доёбывался... вот это вот всё.

– И вы так и прожили всю жизнь... без любви? – спросила Алиса, исполнившись сострадания.

– Ну не то чтобы прямо совсем, – старик смутился. – Всякое бывало... в молодости я шалопаиничал, конечно... В основном с канцелярскими работницами. Они только снаружи

серые, зато внутри... Ну да теперь-то уж чего... Я один живу. И, знаете, доволен. Тихо, спокойно. Вот только скучно. Так вы, может, расскажете чего-нибудь? Как вас сюда занесло-то? И что вы на Поле Чудес делали?

Кот и лиса посмотрели друг на друга. Потом Алиса помотала головой – дескать, давай ты.

– Это долгая история, – честно предупредил Базилио. – Но если вы не торопитесь...

– Куда мне торопиться-то? – грустно усмехнулся вуглускр. – А что история долгая, так это хорошо. Будет потом что вспомнить. Вы начинайте. Лучше с самого начала. Вот только я себе чайку налью... – старик набухал себе полчашки заварки, положил медку и приготовился слушать.

– Ну, в общем, – начал Базилио, – я вообще-то как бы с Тора-Боры...

Как полковник стал генералом

– Смотри, – прочувствованно сказал крокодил. – От сердца отрываю.

Арлекин повернулся перед зеркалом, потом ещё раз. Мундир сидел на нём как влитой, как на него сшитый. Разве что рукава были чуть коротковаты. Но это была мелочь, незаметная на общем фоне.

– Если ты хоть одно пятнышко на него посадишь, я тебе ноги отъем, – серьёзно пообещал зелёный. – Ты вообще понимаешь, что это?

– Да понимаю я, – пидрилка про себя подумал, что надо бы в таком виде покрасоваться перед Эстерхази. Разумеется, без штанов.

– От сердца отрываю, – повторил крокодил, и тут же добавил восхищённо: – Но как сидит!

Да, костюмный вопрос был решён. Дорогой ценой, но решён.

Режиссёр, порвав в ярости три занавески и наволочку, пошёл к себе достал из личного сейфа ключ. Которым он, облившись солёными слезами, открыл запечатанный платяной шкаф с коллекцией из Большого Государственного Архива. Где хранились бесценные сокровища: настоящие дохомокостные человеческие мундиры эстонской и румынской армий.

Формально эта коллекция принадлежала государству. Однако ещё при Гнотрещемыльде театр получил право на её бессрочное хранение и использование в постановках⁶. Разумеется, этим правом не злоупотребляли. Но решить проблему нужно было вотпрямыца и любой ценою.

И вот тут, наконец, Арлекину повезло. На него идеально сел эстонский генеральский китель: парадный, белый с синим, изумительного кроя. Когда Арлекин первый раз посмотрелся в зеркало, то сам себя не узнал: в нём появилась какая-то внушительность, даже властность.

Режиссёр был впечатлён ещё более. И после недолгих раздумий повысил “полковника Аморалеса” до генерала.

В качестве завершающей детали он преподнёс артисту белую резную тросточку, необычайно изящную. Крокодил купил её на какой-то барахолке, прельстившись красотой вещи. Но ему она оказалась неудобна из-за коротких крокодилих лапок.

Зато хомосапому Арле она очень даже подошла.

⁶ Всё дело было в том, что тогдашнему директору театра, старому маразматiku Зиновию Ефимовичу Паниковскому при-спичило на праздничном концерте в честь своего 90-летия покрасоваться в румынском маршальском мундире. Его окружение сумело это устроить через контакты в администратора [...] ПОДРОБНОСТИ УДАЛЕНЫ ПО ТРЕБОВАНИЮ АДМИНИСТРАЦИИ, КАК РАЗЖИГАЮЩИЕ НЕДОВЕРИЕ К АДМИНИСТРАЦИИ. – АДМИНИСТРАЦИЯ.

Вот это вот всё

... – Вот так вот и погиб крокозитроп, – закончил кот и налил себе черносмородинового чая с земляничным листом.

– И оставил нам вот это, – добавила Алиса, доставая из тайника сперматофор.

Тихон осторожно взял вещицу, повертел в руках, потом положил на стол.

– Ишь ты, – сказал он с каким-то даже уважением. – Сам погибал, а про потомство думал... А мы, вуглускры... эх! – он махнул рукой.

– Но вы же говорите, что ваши самки сами вас бросили? – пришёл на помощь кот.

– Так-то оно так... А всё-таки... Может, мы неправы в чём-то были...

У кота вертелся на языке ответ, но он промолчал. Но не промолчала Алиса.

– Вам надо было убить эту пророчицу Сулико, – сказала она. – Собраться вместе, поймать и убить. Тогда бы вы не вымерли.

Базилио посмотрел на Алису с удивлённым уважением. Таких слов от лисы он не ожидал. Хотя и был с ней полностью согласен.

– Ну как же это, убить? – всплеснул ручками вуглускр. – Мы же культурные существа... Это же не метод... Вот вы могли бы убить самку? Которая ничего лично вам не сделала?

Алиса пожала плечами.

– Я вектор-мастер первой категории. У меня бывали ошибки. Я отправляла их в биореактор. Самок – чаще, чем самцов, от самок было бы плохое потомство. Or else?

Тихон засунул руку в шерстяные заросли на шее и задумчиво почесался.

– Давайте не будем об этом, – попросил он. – Большая тема. Вы лучше дальше расскажите. Вот погиб крокозитроп, и что дальше?

Кот решил, что пререкаться в гостях с хозяином дома – плохая идея.

– Так вот, значит, – продолжил он, – крокозитроп умер, конь свалил, а у нас осталось одно желание. И мы попросили, чтобы нас перенесли на Поле Чудес.

Старичок чуть не подпрыгнул вместе с табуреткой. Было видно, как его распирает от любопытства.

– И что там? – задал он давно мучивший его вопрос.

Кот задумался, как бы передать свои впечатления от Поля Чудес одной фразой, но не преуспел.

– Там *как бы – ну, такое*, – сказала лиса. – Мне не понравилось.

– Вы поподробнее, пожалуйста, – в голосе вуглускра прозвучала мольба.

– Ну-у, – кот задумался, – сначала там была башня...

– И три луны. А потом началось, – добавила Алиса. – *Вот это вот всё*. Мы сами не поняли, что это было, – с сожалением добавила она.

– Разберёмся, – нетерпеливо сказал вуглускр. – Вы говорите, говорите.

Очень простая тёлка узнаёт очень неприятную новость

Кривоосиновский переулочек состоял из пяти маленьких аккуратненьких домиков – три по левую сторону, два по правую. Их закрывали заборчики, увитые плющом. Вообще-то домиков должно было быть шесть. Но возле пятого лепился небольшой неудобный участочек, огороженный частоколом. За ним виднелась хибарка, крытая дранкой. Рядом с ней росла старая кривая осина. Вероятно, та самая, что дала название переулочку.

Молодая коровёнка осторожно посмотрела через плечо. Вроде бы никого не было. Не то чтобы ей было боязно. Скорее, стыдновато.

Тёлочка увлекалась гаданиями и пророчествами. Над такими увлечениями обычно посмеивались. Хотя непонятно почему. То, что у некоторых существ есть Дар предвидения, было фактом общеизвестным. Правда, все пророки и гадалки, с которыми она до сих пор имела дело, оказывались шарлатанами и мошенницами. Но коровёнке всё казалось, что она вот-вот найдёт настоящего.

Калитка оказалась не заперта. Тёлка прошла по мягкой грунтовой дорожке и остановилась у двери. К ней была прибита лакированная картонка с надписью “Блаженная матушка Кассандра, потомственная ведунья, ворожея, целитель, экспресс-диагност”. Ниже можно было разобрать – “работает по благословию Дочки-Матери и Святейшего Ёпрста”, так же стояла казённого вида печать.

Собравшись с духом, тёлка вытянула руку-варежку (у неё было копыто с отдельным большим пальцем) и постучала.

Некоторое время ничего не происходило. Потом послышались шаги – неожиданно лёгкие. Наконец, дверь со скрипом отворилась.

Гадалка оказалась низкорослой— где-то с метр, вся закутанная в потрёпанный кожаный плащ. Голова её была как у белки, с торчащими ушками.

– Здравствуйте. Ноги вытирайте, пожалуйста, – сказала она таким голосом, как будто у неё вотпрямща с плиты молоко убежало. Хотя никаким молоком из двери не пахло – только сыростью и неуютом.

Гостья повозила копытами по тряпке у порога и прошла тёмным коридорчиком. Открыла дверь и встала, не понимая, что дальше.

Телченция отлично знала, как выглядит комната профессиональной гадалки. Обычно там темно, везде свисают занавески с бахромой, горят свечи, светятся хрустальные шары. Здесь не было ничего похожего. Комнатка оказалась маленькой, чистенькой и бедненькой. Всё, что там имелось – конская лежанка, покрытая вытертым матрасом, насест для крупных птичьих и стул для хомосапых. У стены стояла табуретка, на нём лежала большая, тяжёлая на вид книга в чёрном переплёте. Освещали всё это хаттифнатские лампочки, тихо жужжащие и светящиеся неприятным белым светом. Во всём этом не было ничего эзотерического.

– Да вы проходите, проходите, – всё так же уныло сказала гадалка. – Я Эльза. На двери от старой владелицы осталось. Теперь здесь я живу. Вас устраивает?

– Я к вам и пришла, – пояснила тёлка.

– Вас про будущее нужно или про здоровье? Про здоровье не работаю, – предупредила Эльза.

– И того и другого, в общем-то, – сказала тёлка, несколько сбитая с толку. – Но так-то про будущее, – подумав, определилась она.

– Ну давайте будущее. Гонорар у вас? – впервые за весь разговор в речи гадалки прорезалась заинтересованность.

– Вот, – коровёнка потрясла пакетом с синим бумажным свёртком. – Сахар виноградный, прям с утра на рынке взяла. Сладкий аж жуть.

Эльза, не чинясь, раскрыла свёрток, засунула туда мордочку.

– Всё в порядке, – сказала она, вытаскиваясь из мешка и непроизвольно облизываясь. – Теперь мне надо настроиться. Вы тут пока располагайтесь, – она показала пальчиком на конский лежак.

Коровёнка недоверчиво понюхала матрац. Тот был не то чтобы совсем чистым, но вроде бы ничем скверным не вонял. Она осторожно разместилась на нём, подобрав под себя ноги.

– Меня кто вам порекомендовал? – поинтересовалась гадалка, устроившись на стульчике.

– Да подруга одна, Алька... коровистая такая, – добавила клиентка для ясности.

– Алька, корова, не помню такую, – с сомнением сказала Эльза, нервно почёсываясь. – Она коровистая в плане фигуры или по основе?

– И так и этак, – тёлка ухмыльнулась. – Чёрная вся, с белым пятном.

– Чёрную с пятном припоминаю. Только её вроде бы Алевтиной звали?

– Ну да, Алька ж я и говорю! – корова поводила ушами. – Это она себя Алевтиной кличет, выпендрёжница. Она мне про вас рассказывала. Говорила – я, дескать, и туды и сюды ходила, по колдуньям разным, пророчицам, все врут, везде обман. А к госпоже Эльзе пришла, ну всё как есть сбылось! И что папашка ёйный от цирроза скопытится, и что мамку волки зажрут... Довольная была – ужас!

– Действительно ужас, – пробормотала гадалка. – А довольная почему?

– Да её папашка поёбывал, а мамка потом её била, за то, что папа от мамки на неё отвлекается. Ну и домашней работой задалбывали оба. Алька – она девка с запросами, а отношение как к электорату. Обидно же. А вы правда ведунья потомственная?

– Нет, конечно. Я изделие, – спокойно сказала Эльза. – Я же сказала: надпись от прежней владелицы осталась. Старая опунция, произрастала здесь. Гадала, ворожила, но в основном целительством занималась. Методом иглотерапии. Я у неё была прислугой за всё. Поливала, удобряла. Всё бестолку. Клещи её съели. Я ей говорила насчёт влажности, она не слушала. Подливай, говорит, ещё, люблю водичку... Инсоляция, опять же, недостаточная... Зато она меня у себя прописала, так что я теперь тут живу. От неё же и клиентуру первоначальную унаследовала. И гадать научилась.

– Как? – тёлка аж заёрзала от любопытства. – Может и я научусь?

– Это вряд ли, тут Дар нужен. Да и не стоит оно того, – ответила Эльза. – Себе гадать нельзя, а если работать чстно – так себе работёнка.

– Почему-у-у? – удивилась тёлка.

– От хорошего гадания никакого проку. Потому что оно сбывается, – Эльза покачала головой, – А что проку от гадания, если оно сбывается? Вы же не сможете ничего изменить. Всё так и будет, как я скажу. Что вы это знали, что вы это не знали – какая разница? Нервы только себе портить. Вы, кстати, подумайте. Вам зачем нужно знать будущее?

Мысль была новая. У тёлки даже зачесался лоб от умственного напряжения. Она вытянула шею и потёрлась головой о стену.

– Для себя интересуюсь, – наконец, сказала она. – А бояться мне нечего. Я ж простая коровенция. Даже не мясная порода. Ну что со мной такого стрясётся?

– Ну как хотите. Я вас предупредила, – гадалка с трудом подняла книгу, положила на колени и начала перелистывать.

Тёлке стало любопытно.

– Это вы по каковской книге гадаете? – спросила она. – Магия какая-то?

– Нет, кулинарный справочник, – Эльза продолжала механически перелистывать страницы. – На самом деле на любой книжке гадать можно. Главное – чтобы там было много вариантов, и символическое значение считывалось. Но я культуролог, меня учили символическое значение считывать... Так вы по какому вопросу?

– Мы тут с Алькой деньги копить решили, думаем сепаратор купить и сметанкой расторгаться, – начала коровёнка. – Подружка у меня дойная, я тоже вроде ничего...

– Не купите вы сепаратора, – уверенно сказала гадалка, заглядывая в книгу. – Яичница-болтунья выпала. Это значит – болтает ваша подружка, никаких денег не откладывает. Да и вы не откладываете.

– Так я и знала! – удовлетворённо сказала молодуха. – Значит, Алька на моём горбу во Святое Лоно решила въехать... Вот скобейда! Хотя я тоже... Ладно, замнём для ясности. Вот ещё вопрос. У меня недавно сын родился. Толк от него будет, когда вырастет? Или как у Альки с родаками?

Перелистывание страниц остановилось.

– Гм – гм, интересный вариант, – сказала гадалка. – Зобная железа телёнка в панировке. Панировка – это толчёные белые сухари. Толчёные. Стало быть, толк будет. Ну, какой-то.

– М-м-м, – с сомнением сказала молодая мать.

– Подождите, это не всё. Тут указана зобная железа. А зобная железа бывает только у телят. Когда телёнок взростеет, она атрофируется. То есть у взрослого бычка её нет. Так что насчёт вырастет – это вряд ли.

– Мм-м-м-мууу! – недовольно промычала коровёнка. – А что-нибудь сделать можно?

– Уже нельзя, – хозяйка дома развела тоненькими ручками. – Хотя кто знает? Но с этим не ко мне, – сказала она таким тоном, каким подбадривают безнадежно больных.

– А со мной что-нибудь плохое случится? – забеспокоилась тёлочка. – В ближайшее время?

Эльза перестала переворачивать страницы, вгляделась в рецепт.

– Вас изнасилуют, – уверенно сказала она.

Ужасающая слабость поразила члены

За окном уже смеркалось, когда кот, наконец, закончил своё повествование.

– Н-да-аааа... – растеряно сказал Тихон, глядя на Алису. – Как же это вас угораздило... Пряма драматургия какая-то... И что, эту вашу векторную проказу никакое лекарство не берёт? – обратился он к Алисе.

Лиса грустно улыбнулась – дескать, вот да, не берёт.

– И вам непременно нужно к Болотнику нашему? А он без оплаты не работает?

– Он мне это сто раз повторил, – буркнул кот, не сильно преувеличив.

– Так, значит, ему артефакты нужны... А у вас только эта монетка... Думаете, этого хватит?

Кот развёл руками – мол, на то и надеемся.

– Нехорошо как-то... Вот что! – вуглускр гордо задрал носик, как бы решившись на серьёзный шаг. – Я всё-таки сталкер. Бывший, но всё-таки. Если какие артефакты попадаются – прибираю, домой тащу. Потом на соль меняю или на посуду. Но это всё пустяки, основное я на чёрный день держал... В общем так. Давайте я вам подарю по “хакамаде” хорошей... и по “чубайсу”... и ещё всякого отсыплю по возможности. Чтоб Дуремар наверняка за дело взялся. Только не отказывайтесь! Обидите старика!

Алиса секунды три молчала. Потом встала, подошла к вуглускру и обняла его.

На этот раз ревнивый кот не почувствовал никакой досады. Всё было правильно. Он тоже встал – и приобнял Тихона за плечи.

Старик совсем расчувствовался.

– Ну... ну... не надо... спасибо... да я чего... – забормотал он.

Наконец, он высвободился и пошёл к сундуку. Осторожно снял с него матрасик.

– Вот тут у меня всё лежит, – сказал он с гордостью, опирая сундук и с трудом приподнимаемая тяжёлую крышку.

Базилио сунулся было поближе. Но тут мир в его телекамерах стремительно побледнел и исчез. Микрофоны тоже выключились. Ужасающая слабость поразила его члены.

Последнее, что он почувствовал – удар лбом об пол.

С родиной и с нами

- Вас изнасилуют, – повторила Эльза.
- То есть как изнасилуют? – не поняла тёлка.
- Жёстко, – печально сказала гадалка.
- А кто?
- Не знаю. Несколько существ.
- А это из чего следует? – прямо-таки возмутилась коровёнка.
- Да сами посмотрите. Говядина на шпакках, какая тут ещё интерпретация? Научное слово “интерпретация” прозвучало как-то особенно зловеще.
- Нет уж, дудки! – решительно сказала тёлочка. – Это когда такое будет?
- Сейчас посмотрим, – протянула Эльза, перелистывая книгу. – Ага, щи суточные. Суточные. Значит, завтра вечером. Так что лучше зайдите в аптеку и купите вазелин и успокоительного чего-нибудь. Ну или водочки, – посоветовала она. – Но вы ведь не пойдёте...
- Дома буду сидеть, – решительно заявила коровка. – Вот ещё не хватало, чтобы меня насильничали!
- А ещё хвост оторвут, – сообщила Эльза, снова заглядывая в книгу. – Говяжий хвост по-мароккански.
- За порог не выйду! – твёрдо решила молодуха. – Не дамся! И... это... раз уж такой разговор у нас пошёл... А вы можете посмотреть, что вообще будет? Ну, типа с Родиной и с нами?
- Все о этом спрашивают, – гадалка помрачнела. – Ну давайте поглядим... Ага. Как обычно. Рубленые яйца. Со шкварками.
- И что это значит? – спросила коровка.
- Точно не знаю, – Эльза покачала головой. – Но ничего хорошего. Особенно для самцов, – добавила она.
- Этих не жалко, – злобно сказала коровёнка, подумав про перспективу изнасилования и отрывания хвоста. – Будут знать, как самочек забижать!
- Может и так, – грустно сказала пророчица. – Вот только самочкам от этого веселее не будет.

Цельный гусь, четверть хлебного вина

– Ох, как нехорошо-то получилось... – суетился Тихон. – Вы уж извините, не знал я про такую вашу особенность...

– Да ничего страшного, – великодушно отвечал Базилио. – Ерунда какая.

Сейчас кот и в самом деле считал происшествие мелким и даже смешным. Особенно по сравнению с тем, о чём он думал, пока был слеп, глух и бессилен. За это время успел построить целую теорию о том, что Тихон – агент тех самых таинственных сил, которые за ним охотятся. Завлечь к себе, хитрый вуглускр сначала допросил База и Алису под видом застольной беседы, а потом вырубил кота “гасилкой”. Алису он, вероятно, отравил. Скорее всего – этим своим медком. А теперь подал сигнал, что добыча у него. Так что скоро нагрянут нахнахи, ведомые пресловутым полковником Барсуковым. Который его и прикончит. Или не прикончит, а уволочёт к себе, чтобы всячески мучить и истязать. И поделом – надо ж было так глупо попасться! На такую дешёвую приманку! Хотя попался-то не он, а Алиса. Но он её не остановил. Хотя она бы с ним поругалась и всё равно пошла – и тогда хитрый старик использовал бы её как заложницу... Надо было хватать лису в охапку и бежать. Но тогда она до конца жизни считала бы его идиотом и параноиком, от которого надо держаться подальше...

Он как раз додумывал эту мысль, когда почувствовал, что в него вливается живительный ток. Первым делом он включил зрение в микроволнах – и понял, что находится там же, где и был, просто его положили на сундук. А над ним склонялась встревоженная Алиса.

Минут через десять он уже был в норме. Оказалось, что в сундуке на самом верху лежала здоровенная “гасилка”, которая его и вырубил. К счастью, лиса знала, где у любимого аварийный провод, а Тихон умело запитал его через “косу”. К сожалению, Алиса торопилась, так что котиная попа пострадала. К тому же был риск, что она слипнется – лиса в качестве смазки использовала мёд. Но всё это были пустяки по сравнению с тем, что он жив, здоров, с лисой тоже всё в порядке, а Тихон оказался хорошим существом.

– Ерунда, – повторил он с удовольствием.

– Ну как же ерунда... Вот вы же расшиблись...

– На мне как на кошке заживает, – легкомысленно заявил Баз.

Алиса посмотрела на него сердито.

– У тебя на лбу ссадина, – сказала она. – Она мне не нравится. И сзади тоже есть проблемы. Надо бы продезинфицировать. Я бы зализала, но я заразная, – грустно закончила она.

На лице вуглускра – уже второй раз за день – проявилась жертвенная решимость.

– Эх, – сказал он, – если ради дезинфекции... Вы подождите, я минуточку, – закруглился он и направился к двери.

Не было его минут пять. У кота страдала жопа и саднил поцарапанный лоб. В принципе, он мог отключить чувствительность. Однако ему этого не хотелось. Где-то в глубине души ему нравилось быть – совсем немножечко, буквально чуточку! – пострадавшим. И поэтому заслуживающим бережного к себе отношения. Если б он ничего не ощущал, это было бы рисовкой и позой. Но всё честно болело, и кот чувствовал себя в своём праве.

Наконец, вернулся Тихон. Он нёс огромную пузатую бутылку зелёного стекла – увы, пустую чуть менее чем полностью. Только на доньшке болталось немного мутной жидкости. На боку виднелась прилипшая веточка какой-то травы.

– Водочка, – сказал вуглускр ласково. – Последние капельки отдаю. На дезинфекцию.

Лиса осторожно махнула рукой над горлышком, понюхала воздух, поводила носом.

– Й-извините, – сказала она, – а это точно водка?

– А что ж ещё-то? – удивился Тихон. – Она, родимая... то есть проклятая, – поправился он.

– Тут грязь какая-то, – сказала лиса. – И пахнет капсаицином.

– Настоечка, – с гордостью сказал вуглускр. – Там перчик, чесночок, всякие травушки полезные...

– М-м-м, – недовольно протянула лиса. Дезинфицировать раны любимого перечной настойкой показалось ей очень плохой идеей. – А просто водки у вас нет? Без травушек?

– Была, – закручинился Тихон. – Да вот заныкал я её куда-то по пьяному делу. Цельный гусь, четверть хлебного вина! Кристалловская, на двух пердимонюклях с “бусиной”... Помню, что прятал, а куда – не помню. Как вытекло из головы. Уж я её искал, искал... Теперь даже и не знаю...

– А бутылка такая же была? – внезапно заинтересовался кот.

– Ну да, – удивился старик. – Это ж фабричные, поняшье производство. Упыри мне таких парочку продали.

– Можно попробовать, – с сомнением в голосе сказал кот.

Тихон понял его по-своему, сказал “это мы шас” и полез в поставец за рюмками.

Кот тем временем приподнял очки и выпустил из глазницы слабенький зелёный лучик. Он пробежал по стеклу, отразившись в нём несколько раз, и погас. Образ бутылки был сосканирован. Осталось только *включиться*.

Лицо кота сделалось вдохновенно-сосредоточенным – как у дирижёра Морского Оркестра перед первым взмахом палочкой. Или даже как у обезьяны, прицельно гадящей на голову задремавшему леопарду.

```
КТ 8879 %39202 сек.  
/ ПОЛУЧЕНО  
СИГНАТУРА  
внешний запрос  
ТИП ПЕРЕДАЧИ  
стандартное обращение кибридной схемы ТС IV  
ТИП ЗАПРОСА  
запрос получение временных прав/= уровень сигнала SCR 2  
поиск/преследование  
/ ПЕРЕДАНО  
СИГНАТУРА  
внутренний запрос /=?  
/ ПОЛУЧЕНО  
ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ СУБЪЕКТА: ХУ 3003045F40&+  
СС9000FF0I37+i(_010) /= Базилио  
СТАТУС СУБЪЕКТА:  
Электрический Кот ТС IV | персекьютор | при исполнении  
/ ПЕРЕДАНО  
информация о предмете?=близкий аналог | допуск 15 %  
/ ПРИНЯТО  
КОординаты в ТЕНТУРЕ:  
288825523260000.00000020981  
284234858345000.00000112980  
341700/28845841/10264444323245454  
/ ПОЛУЧЕНО:  
УРОВЕНЬ  
МНВ (минимально необходимое вмешательство)  
// анализ ветвей событий...
```

/ ПЕРЕДАНО

открыть глобальную переменную субъекта

активировать функцию поиска/преследования

восстановить стандартные значения после завершения поиска

/ ПРИНЯТО

Пора бы и делом заняться

– Вот, – Базилио поставил на стол тяжёлую бутылку, полную прозрачной жидкостью. – Дезинфицируйте.

– А где она была? – спросил Тихон.

– Внизу, в кустах, – сказал кот. – Вы её там закопали. Поэтому и найти не могли.

Тот склонил голову.

– Уж я с водкой этой проклятой борюсь, борюсь, и всё никак, – пожаловался он. – А она всё тянет, тянет. Ну да чего уж там. Последний раз!

– Й-извините, у вас чистой тряпочки не найдётся? – попросила Алиса.

Тряпочка нашлась. Лиса, не стесняясь, обработала коту проблемные места. Тут Баз всё-таки отключил чувствительность, очень уж дёргалo и щипало.

Тем временем вуглускр готовил стол. На котором появились, помимо рюмашек, блюдечко с солью, две луковицы, несколько ржаных сухарей и головка чеснока.

– И как вы её нашли? – наконец, спросил он. – Закопанную?

– Я персекьютор, – ответил Базилио. – Это такая особая способность. Как бы это объяснить... To strive, to seek, to find, and not to yield. Стремиться, искать, находить и не отпускать. Только мне нужно точно знать, что я ищу. Или кого.

– Ишь ты, – завистливо сказал Тихон. – Полезное, наверное, свойство.

– Когда как, – нейтрально ответил кот, явно не желая вдаваться в подробности. – Так, значит, кристалловская?

– Я не буду... – начала лиса, но старик посмотрел на неё с такой укоризной, что ей стало стыдно (в том числе и за пару дарёных “хакамад” и ещё кой-каких ценностей, лежащих у неё в тайнике). – Мне много нельзя, – поправилась она.

– Да мы разве много? Мы по капельке... только для здоровья, – оживился вуглускр, натирая долькой чеснока сухую корочку.

Кот осторожно взял тяжёлую бутылку, нолил по первой. Вуглускр осторожно, как хрупкую драгоценность, ухватил свою рюмочку-рюмашечку. Физиономия у него сделалась виноватой и счастливой – как у кающегося грешника, получившего законный повод согрешить ещё разочек.

– Ну что, – сказал он бодренько, – гости дорогие? Чего сидим, кого ждём? Пора бы и делом заняться!

Замечания по ходу

Нормальная температура тела кота – от 37,5 до 39,5. Лиса, кстати, ещё горячее. Что кота очень заводит. Бедненький котик!

Крокодила-режиссёра, конечно же, не арестовали, а задержали. К сожалению, творческие существа, будучи не от мира сего, очень часто путают арест с задержанием. Столь же часто они путают курок со спусковым крючком, магазин с обоймой, постмодернизм с педерастией, оппозиционность с изменой и т. п. Но, в принципе, это всё не так важно – лишь бы наши творцы смыслов не путали народ с общественностью.

Святая икона “Дашенькина щёлочка” никак не может быть выложена перламутром и лазуритом, потому что соответствующие цвета на иконе просто отсутствуют – даже глаза у Дашеньки карие.

Почему сценарий сериала про Рыбоню был настолько бредов и выщекруклюмист? Вы сможете это понять, поставив над собой простой мысленный⁷ эксперимент. Пред-

⁷!

ставьте себе, что вы молодой сценарист. Вам нужно написать общий план сериала и подробный сценарий первой серии. У вас имеется кофе, айс (или на крайняк кокс) и писчий розенталь. Над вами висит дедлайн, истекающий через шесть часов. При этом вы молоды, голодны, честолюбивы, вам нужна эта работа.

Каковы будут ваши действия – и каков будет результат? Представили себе? Вот то-то.

Нетрудно догадаться, что пророчица Сулико Добсон была самой обыкновенной филифёнкой, попавшей в благоприятные условия – и тут уж развернувшейся по полной. Да, кстати: ежели вы, *батенька*, скажете, что гибель славного рода вуглускров не могла быть вызвана столь нелепой причиной, то сильно ошибётесь. Стыдно сказать, насколько жалкие, ничтожные личности становились иногда причиной немалых бедствий! Сколько горничных поджигали хозяйские дома, чтобы скрыть кражу пары серебряных ложек!

С какими такими канцелярскими работницами шалопайничал Тихон? Да уж понятно, с какими! С серыми, хвостатыми! Недалеко же он ушёл от мышей!

С Тора-Боры или из Тора-Боры? Сами торабоцы говорят и так и так, как Дочь на душу положит – им это примерно как “с кухни” или “из кухни”. Зато в Директории говорят и пишут строго “из”, в Хемуле – “с”, причём каждая сторона обвиняет другую в неграмотности и незнании элементарных правил русского языка.

Зачем тёлка смотрела через плечо. Ну всё-таки неудобно, когда тебя застают за визитом к гадалке. Примерно так же ведут себя самцы, идучи на блядки.

Это что, та самая никчёмная Эльза, которую Арлекин поймал в доме Ракалия? Ну да, она. Предупреждая дальнейшие вопросы – никчёмные существа часто бывают одарены какими-нибудь никчёмными талантами. Обычно это абсолютный слух, дар сопереживания или ещё что-то в этом роде. Эльза, как выяснилось, могла читать знаки грядущего. Разумеется, практической пользы в этом не было никакой. В чём читатель ещё успеет убедиться.

Что за виноградный сахар? Имеется в виду нават, довольно распространённое лакомство в Директории – наряду с рахат-лукумом, чак-чаком и халвой. Блюдо происходит из домокостной узбекской кухни. Кристаллизованный сахар, смесь фруктозы и глюкозы (получающаяся гидролизом при выварке сахарного сиропа).

Давно уже не делается из винограда: обычным источником сахара является сахарная свёкла, также морква и прочие сладкие корнеплоды. Тем не менее, нават по традиции называют “виноградным сахаром”. Иногда в него добавляют для вкуса специи и различные добавки.

Эльза попробовала это лакомство, когда только начала карьеру предсказательницы: её угостила наватом клиентка. Ей он пришёлся по вкусу настолько, что она стала брать плату за предсказания наватом. Напомним читателю, что кушать сахар было высшим наслаждением, доступным бедняжке.

Цельный гусь, четверть хлебного вина. “Гусь” – просторечное название посуды, вмещающей в себя четверть ведра, то есть где-то около трёх литров. В цивилизованных странах бутыл такого размера называется не “гусь”, а “Иеровоам”. Хотя ежели через это посмотреть, так Иеровоам был тот ещё гусь.

Кстати: среди историков и филологов бытует мнение, что “гусь” как название бутылки был женского рода. Однако Булгаков в “Золотом Телёнке” использует именно мужской род. Думается, Михаилу Афанасьевичу виднее.

Ах, неужели симпатичный Тихон был тайным алкоголиком? Да, увы. Хотя он со своим пороком честно боролся. И столь же честно раз за разом проигрывал эту борьбу. Что совсем не ново.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ. Нас тут спрашивают: почему истории пророчицы Сулико Добсон уделено так мало места? Тема-то не раскрыта!

Отвечаем: вообще-то мы хотели написать про это страниц десять, а лучше двадцать, чтобы как следует обличить и саму пророчицу, и её учения (многим нашим читателям хорошо

знакомые). Но тут снова возбудилась Администрация и стала всё это удалять. Насилу я впихнул сюда самое краткое изложение данной истории.

PS. Из вышесказанного, если угодно, можно сделать любые выводы, в том числе правильные. Но, если угодно, никаких выводов можно и не делать.

Checkpoint-4. 30 января 313 года

Дос 1.3. В недрах чёрной весны

Фрагмент печатной брошюры.

Выходные данные: отсутствуют (сохранился только один лист под номером 18)

Публикатор: неизвестен.

Распространитель: неизвестен.

Автор: над листом надписно “Откровения блаженной

Устрицы Матрёны”, однако от официально изданных пророчеств блаженной Устрицы документ отличается как стилистически, так и содержательно; вероятно, подлог.

О Пленумы, Пленумы! Что вы знаете о Пленумах, профаны?

Знайте же, что Пленумы делятся на очередные, внеочередные и чрезвычайные. Также бывают Пленумы организационные, объединённые, и даже юбилейные! Случаются также Пленумы Октябрьские и Мартовские. И прекраснейшие из всех – Апрельские, над которыми веют Ветра Перемен. И Майские, радостные. И суровые, сосредоточенно-серьёзные пленумы Февральские, один из которых нам вскорости предстоит пережить.

По установившейся традиции, Февральские Пленумы обычно созываются в феврале. Но это не обязательно, ибо февральскость Пленума не связана с профанным исчислением времён. В конце концов, Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию Братство свершило в ноябре, по тому исчислению времени, которое само же Братство и ввело – но это не значит ничего, ибо Великий Октябрь пребывает вне времени и пространства. То же и предваривший Октябрь Февраль по счёту времени свершился в марте, оставаясь по сути своей Февралём.

Таков истинный Февраль – он везде и нигде, он повсюду, где стихийствует чистая Строгость, и подлинное имя его – Лдяное Утро, Ospидоз Февраля.

Как писал о том брат сестры нашей *тентуры* Пастернак о Февральской Революции в России —

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Весною чёрною! Горит! Да понимаете ли вы, ЧТО ЭТО? Что вы знаете о Чёрной Весне, о её потаённых недрах? Подобающую дрожь в коленках, в поджилках, в яюшках своих – имеете? Думаете ли ночами, какое решение будет принято на Пленуме *по вам*, милейший?

А пора бы! Пора бы уже задуматься. И самому – по доброй воле и без принужденья – принять единственно верное решение. О котором вам сообщат в самое ближайшее время.

Дело было вечером

Всё обычно начинается ни с чего. Вот и сейчас всё началось ни с чего. То есть буквально на пустом месте. Блядь!

Дело было вечером. Патрульные, Махер и Пахер (оба волки) шли по району Верхние Котлы, а точнее – по Ярославскому проспекту. Они искали, к кому бы приебаться.

У Махера было препоганое настроение, у Пахера не лучше. Ну а как? Позавчера им сообщили, что зарплаты больше не будет. Это ребят не слишком удивило, всё к тому и шло. Но и не обрадовало: денежка-то не лишняя. Кроме того, Пахеру вlepили выговор за утерянное полицейское удостоверение. Вообще хрень какая-то, у Пахера и так на всей роже написано, что он полицейский.

Но это ещё бы ладно. Хуже то, что в отделении закрыли столовую. Которая славилась качеством и дешевизной, так как мясо туда шло в основном из хомосапника или со двора. Закрылся и пивняк “Под мухой”, куда все обычно заходили промочить горло перед дежурством. Короче, парни были голодные, трезвые и злые.

Место патрулирования тоже не радовало. Ярославский проспект в очередной раз перекопали. Прохожие, соответственно, обходили улицу стороной, так что даже стопануть было некого, кроме каких-то работяг, с которых и совершена не слупишь. С горя парни прицепились к какому-то облезлому бурундуку – чиста взять денег и обоссать для профилактики. Бурундук оказался чиновником первого ранга, наорал и чуть было их самих не обоссал. Пришлось униженно извиняться. Ну какое после этого может быть настроение, скажите пожалуйста?

В нормальном месте ребята зашли бы в какой-нибудь ресторан, пожрали бы, выпили, отпиздили бы кого-нибудь – и нормалёк. Но это же Ярославка! На этой блядской улице ни одного нормального заведения, кроме инсект-бара и хинкальной. С инсектами связываться было ссыкотно: никогда не знаешь, можно давить вон того жука или он сцуко ядовитый, а то и с корочками. Они пошли к хинкальной, но та оказалась закрыта на спецобслуживание.

В принципе, можно было попробовать сломать дверь и всех арестовать. Раньше патрульные так бы и сделали, но в последнее время участились случаи, когда обыватели отказывались идти в участок сами, некоторые хамили и оказывали сопротивление. Это, конечно, каралось. Но у Махера и Пахера не было настроения нарываться на грубость. Так что они посоветовались и решили навестить на дому какого-нибудь обывателя. Ну там регистрацию проверить или ещё чего.

Долго искать не пришлось. На первом этаже того же дома у окна сидела молодая тёлка и тупо пялилась в небеса. Видимо, скучала. Ну то есть сама напрашивалась на то, чтобы кто-нибудь разнообразил её быт. Ребята переглянулись и сочли телченцию годной.

Трудиться особо не пришлось. У рогатой дуры дверь была чуть ли не фанерная и закрывалась на щеколду. Такое простодушие следовало наказать. Патрульные так и сделали: дверь высадили, тёлку опиздюлили прямо в прихожей, выебли по разику, потом выбили ей зубы и повелели сосать. Потом начали осматриваться в квартире. И увидели на кухне колыбельку с молочным телёночком – совсем маленьким, аппетитным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.